

На правах рукописи

АВЕРЬЯНОВА Екатерина Викторовна

**СЕМИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ПРАВОСЛАВНОГО И КАТОЛИЧЕСКОГО
ЖИТИЙНОГО ДИСКУРСА XI-XVII ВЕКОВ**

**(на материале церковнославянского
и латинского языков)**

**Специальность 10.02.20 — Сравнительно-историческое,
типологическое и сопоставительное языкознание**

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Тюмень 2014

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Тюменский государственный университет», Институт филологии и журналистики.

Научный консультант: доктор филологических наук, профессор
Белозерова Наталья Николаевна
заведующий кафедрой английского языка ФГБОУ ВПО «Тюменский государственный университет»

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Галина Григорьевна Москальчук
профессор кафедры языкознания и методики преподавания русского языка ФГБОУ ВПО «Оренбургский государственный педагогический университет»

доктор филологических наук, доцент
Екатерина Валерьевна Бобырева
профессор кафедры английской филологии ФГБОУ ВПО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет»

доктор филологических наук
Анна Владимировна Антонова
заведующий кафедрой теории и практики перевода ФГБОУ ВПО «Оренбургский государственный университет»

Ведущая организация — **Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Адыгейский государственный университет»**

Защита состоится 20 февраля 2015 г. в 10.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.274.15 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата филологических наук, на соискание ученой степени доктора филологических наук при Тюменском государственном университете по адресу: 625003, г. Тюмень, ул. Республики, 9, ауд. 211.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ИБЦ ФГБОУ ВПО «Тюменский государственный университет» по адресу: 625003, г. Тюмень, ул. Семакова, 18, а также на официальном сайте ТюмГУ, код доступа: <http://d212.274.15.utmn.ru/transdef>

Автореферат разослан «18» ноября 2014 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
доктор юридических наук, профессор

 Т. В. Сотникова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемое диссертационное исследование посвящено семиолингвистическому изучению православного и католического житийного дискурса XI-XVII вв. в диахронии. **Актуальность** настоящего исследования определяется следующими факторами: а) в изучении дискурса формируется новое направление — исследование религиозного дискурса, при этом в житийном дискурсе, представленном единичными работами, неизученными остаются механизм его функционирования, дискурсивная схема жития, аксиология; б) если на Западе наблюдается снижение внимания к религии, то в нашей стране происходит обратное, поэтому обращение к религиозному, в частности житийному дискурсу, отвечает тенденциям российской современности; в) отсутствуют сопоставительные лингвистические исследования католических и православных текстов, хотя раскол в христианстве произошел еще в XI в., поэтому было бы интересно выявить различия, сформировавшиеся за тысячелетие с позиций дискурсивных и семиотических практик; г) обращение к семиолингвистическому анализу данной сферы перспективно ввиду неизученности данного аспекта в отечественной лингвистике; это позволит переосмыслить по-новому житийный дискурс; д) манипуляция в житийном дискурсе еще не становилась предметом исследований; решение данного вопроса дает возможность выявить аксиологию житийного дискурса, грамматическую репрезентацию манипулятивных высказываний.

Степень разработанности темы исследования. Религиозный дискурс оказался в сфере внимания отечественной лингвистики лишь в последнее десятилетие. Проблематика религиозного дискурса носит междисциплинарный характер и рассматривается в рамках стилистики, лингвистики текста, теории дискурса, когнитивной лингвистики, социо- и психолингвистики. Однако семиолингвистический анализ специфики житийного дискурса еще не проводился. В. И. Карасик и Е. В. Бобырева исследовали ценности и стратегии православного религиозного дискурса, особенно обращаясь к жанру проповеди. Е. В. Бобырева определила системообразующие концепты православия, специфические концепты и концепты, общие для других типов общения, не относящихся к религиозному дискурсу. Ею выявлены также первичные и вторичные концепты религиозного дискурса. В. А. Бурцев рассмотрел жанр проповеди в семантико-синтаксическом аспекте. С 2008 г. активно изучаются отдельные концепты религиозного дискурса на материале русского, английского, немецкого языков. Из всех жанров религиозного дискурса исследуются

проповедь, молитва и исповедь. В 2012 г. Е. Е. Анисимова ввела в научный обиход термин «житийный дискурс», описав его виды и функции, а также концептосферу житий о Николае Чудотворце.

В настоящем диссертационном исследовании особое внимание уделяется категории манипуляции. Манипуляция традиционно осмысливается с позиций психологии, политологии, семиотики и лингвистики. В лингвистике сложились два основных направления изучения манипуляции: прагматическое и когнитивное. В настоящей работе автор придерживается семиотического толкования манипуляции, понимаемой как воздействие на человека, а не на вещи, в отличие от операции (А.-Ж. Греймас, Ж. Куртес). В работе манипуляция понимается как *вид речевого воздействия, открыто побуждающий адресата либо к созданию положительных для адресанта ценностей, либо блокирующий деятельность адресата по созданию негативных для адресанта ценностей в прагматическом измерении (искушение и запугивание), в когнитивном же измерении (провокация и обольщение) речь идет о конъюнкции адресата с честью. Манипуляция реализуется посредством манипулятивных фигур.*

В основе анализа житийного дискурса в настоящей работе лежит семиолингвистический подход, который, по определению Н. Н. Белозеровой, «является междисциплинарным и позволяет исследовать разнопорядковые явления, вызванные принадлежностью человека одновременно природе и культуре, а также его существованием одновременно в различных средах» (Белозерова 2010). Семиолингвистический подход предполагает синтез семиотических и лингвистических методов исследования, что позволяет более глубоко и полно описать и интерпретировать житийный дискурс. При этом дискурс идентифицируется с семиотическим процессом, который исследуется как совокупность семиотических фактов, расположенных на синтагматической оси языка (Л. Ельмслев, А.-Ж. Греймас, Ж. Куртес, Ж. Фонтаний).

В работе используется понятийный аппарат Парижской семиотической школы. Так, базовый для нашего исследования термин «контракт» понимается А.-Ж. Греймасом и Ж. Куртесом как «факт установления межсубъектного отношения, которое имеет своим результатом изменение статуса (на уровне *быть* или *казаться*) каждого из присутствующих субъектов» (Greimas, Courtés 1993: 69). Авторы идентифицируют контракт и манипуляцию. Согласно нашей трактовке, в **общественном контракте** священник занимает доминирующую позицию и обращается к Получателю (то есть ко всему обществу). Здесь деятельность священника определяется нами как *воспитание*, а его тематической ролью является роль **педагога**. В **трансцендентном контракте**

те коммуникативная инициатива может исходить как от священника, так и от трансцендентного Отправителя (Бога). Священник при обращении к Богу прибегает к *молитве*. Дискурсивная программа «*молиться*» помещает священника на место говорящего — начального Отправителя-манипулятора. Трансцендентная коммуникация может иметь и другой полюс: трансцендентный Отправитель (Бог) берет инициативу коммуникации на себя и передает священнику программу, которую необходимо реализовать (миссию). Субъект приобретает в этом случае необходимую компетенцию.

Манипулятивная фигура, посредством которой реализуется манипуляция, понимается нами как не-знак, имеющий только план содержания. Манипулятивная фигура, подобно фигуре в понимании Л. Ельмслева, является прежде всего единицей инвариантного содержания при бесконечной вариации средств ее выражения. Манипулятивные фигуры представлены языковыми средствами. Понятие «манипулятивная ценность» понимается в работе как ценностный Объект, используемый при манипуляции. Так, в речевом акте искушения «Если хочешь спастись, иди на Белое озеро» «спасение» является базовой ценностью, а «передвижение» — вспомогательной ценностью.

В соответствии с нашей **гипотезой**, житийный дискурс предполагает вербальное и имплицитное отражение двух контрактов — общественного и трансцендентного, — которые представлены манипулятивными фигурами и опираются на ценности, актуальные для религиозного сознания.

Объектом изучения выступает житийный дискурс. **Предмет** исследования — языковые средства выражения манипуляции в православном и католическом дискурсе, манипулятивные ценности, дискурсивная схема житийного дискурса.

Материалом исследования послужили 14 житий святых и «Киево-Печерский патерик» на церковнославянском языке XI – начала XV вв. (700 страниц) из собрания текстов «Библиотека Древней Руси» под редакцией Д. С. Лихачева (I-VI тома) с сайта электронных публикаций Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН и 180 житий из «Золотой Легенды» Иакова Ворагинского (700 страниц), созданной в XIII в. Более поздний период представлен 86 оригинальными житиями на церковнославянском языке середины XV-XVII вв. (2400 страниц) из «Великих Миней Четий» святителя митрополита Макария (XVI в.), из «Житий Святых в четырех книгах» святителя Димитрия Ростовского (XVII в.), из собрания житий с сайта «Санкт-Петербургский корпус агиографических текстов» (XV-XVII вв.) и «Волоколамского патерика» и 95 житиями на латинском языке XVII вв.

из «Acta Sanctorum» (2400 страниц) с сайта Documenta Catholica Omnia. Из «Acta Sanctorum» были выбраны жития католических святых, живших в XI-XVI вв. Общий объем проанализированного материала составляет 6200 страниц. Общий объем выборки — 2799 высказываний (2120 в церковнославянском языке и 679 в латинском языке), реализующих манипулятивные фигуры, и 1623 именные и глагольные лексемы, выражающие ценности (1269 в церковнославянском языке и 354 в латинском языке).

Целью настоящей диссертации является выявление семиолингвистического своеобразия православного и католического житийного дискурса XI-XVII вв. и их сопоставление как специфических семиотических систем в совокупности языковых средств выражения центральной категории манипуляции.

В соответствии с поставленной целью в работе решаются следующие **задачи**:

- 1) выявление грамматической репрезентации речевых актов, реализующих манипулятивные фигуры;
- 2) диахроническое исследование средств выражения манипулятивных фигур;
- 3) сопоставительный анализ средств выражения манипулятивных фигур и ценностей в православном и католическом дискурсе XI-XVII вв.;
- 4) разработка гипотезы о функционировании житийного дискурса как специфической семиотической системы;
- 5) выявление специфики исследуемых дискурсов;
- 6) выявление базовых манипулятивных ценностей и антиценностей как в синхронии, так и в диахронии;
- 7) разработка дискурсивной схемы жития.

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем:

- 1) разработана семиолингвистическая концепция житийного дискурса как семиотической системы с центральной категорией манипуляции;
- 2) житийный дискурс представлен как единство трансцендентного и общественного контрастов, которые реализуются при помощи манипулятивных фигур и опираются на ценности, важные для религиозного сознания;
- 3) выявлена грамматическая репрезентация манипулятивных фигур, при этом впервые обнаружена устойчивая связь манипуляции и грамматики при искушении и запугивании;
- 4) впервые разработана дискурсивная схема жития;
- 5) установлена система ценностей православного и католического житийного дискурса XI-XVII вв.;

6) впервые предпринято комплексное семиолингвистическое описание православного и католического житийного дискурса, впервые осуществлено их сопоставление в диахронии;

7) введены в научный обиход манипулятивные фигуры «предписание» и «запрет», директивный речевой акт искушения, понятие «авторизованная интердискурсивная манипуляция», термин «Субъект долга».

Теоретическая значимость диссертации состоит:

1) в развитии теории дискурса, что нашло выражение в разработке дискурсивной схемы жития, выявлении механизма действия житийного дискурса;

2) в развитии теории манипуляции, в частности, в обосновании понятий, которые впервые включены в состав манипулятивных («предписание», «запрет»);

3) в расширении научных представлений о конкретных механизмах взаимодействия языка и манипуляции в рамках искушения и запугивания;

4) в развитии аксиологической лингвистики, благодаря которому обосновано понятие «манипулятивная ценность» и установлена система ценностей православного и католического житийного дискурса XI-XVII вв.;

5) исследование открывает новое — семиолингвистическое — направление в теории житийного дискурса, которое может послужить основой для сопоставления других культур.

Практическая значимость работы определяется тем, что теоретические результаты и практический материал исследования могут найти применение в вузовских курсах по общему языкознанию, латинскому языку, дискурсивному анализу, при разработке спецкурсов по семиотике, манипуляции, дискурсивному анализу для бакалавров и магистров различных направлений — лингвистики, истории, психологии, политологии, философии, в учебных и учебно-методических пособиях по соответствующей проблематике.

Теоретическую основу исследования составили: 1) *теория анализа дискурса* (Л. Ельмслев, М. Фуко, М. Пешё, Дж. Браун и Дж. Юл, П. Шародо и Д. Мэнгёно, Н. Н. Белозерова, Е. В. Бобырева, М. В. Йоргенсен и Л. Филлипс, Р. Робен, К. Ф. Седов); 2) *теория речевых актов* (Дж. Л. Остин, Дж. Серль, Дж. Лич, В. В. Богданов, Н. А. Комина, Е. И. Беляева и др.); 3) *теория манипуляции* (А.-Ж. Греймас, Ж. Куртес, Т. А. ван Дейк); 4) *се-*

миотика (Ч. С. Пирс, Ч. У. Моррис, Л. Ельмслев, А.-Ж. Греймас, Ж. Куртес, Ж. Фонтаний); 5) *функциональная грамматика* (В. С. Храковский, М. К. Сабанеева, В. З. Санников).

Методологической основой диссертационного исследования является сочетание теории и методов анализа дискурса, сопоставительной лингвистики и семиотики.

Методами исследования являются семиотический анализ, дискурсивный анализ, семантико-грамматический и синтаксический анализы.

Положения, выносимые на защиту:

1. Житийный дискурс представляет собой семиотическую систему, которая имеет свою синтактику, отраженную в дискурсивной схеме, ее семантика находит свое выражение в аксиологии, а прагматика представлена манипуляцией. Манипуляция является центральной категорией житийного дискурса. Семиотически *житийный дискурс* можно определить как вербальную метапрактику, описывающую вербальную и семиотическую практики святого, а также развивающую тематическую роль «святой» в виде успешного нарративного пути, являющегося образцовым для Получателя сообщения.

2. Средством выражения манипуляции выступает «архетипическая манипулятивная фигура». Манипулятивная фигура, подобно фигуре в понимании Ельмслева, является, прежде всего, единицей инвариантного содержания при бесконечной вариации средств ее выражения. Манипулятивные фигуры имеют регулярные языковые средства выражения. Манипулятивные фигуры искушения и запугивания реализуются в православном житийном дискурсе XI-XVII вв. и в католическом житийном дискурсе XIII-XVII вв. в виде речевых актов и макроактов искушения и предостережения/угрозы, которые представлены условными конструкциями.

3. Житийный дискурс предполагает вербальное или имплицитное отражение двух контрактов – общественного и трансцендентного, – которые представлены манипулятивными фигурами и опираются на ценности, актуальные для религиозного сознания. Такой жанр религиозного дискурса, как житие, имеет следующую дискурсивную схему: **Инициация** → **Компетенция** [анти-Контракт → Интерпретация → Последствие] → **Контракт** → **Интерпретация** → **Трансформация** → **Санкция**.

4. В православном и католическом житийном дискурсе доминируют описательные субъективные ценности и модальные, но в первом дискурсе

модальные ценности (статус учителя, помощь) значительно преобладают. Если в православном житийном дискурсе XI – начала XV вв. на имманентном уровне при искушении доминировала такая описательная ценность, как «исцеление», то позже возобладали модальные ценности. В католическом житийном дискурсе наблюдается устойчивая тенденция: с XIII в. по XVII в. «исцеление» (описательная ценность) выступает как доминирующая базовая ценность на имманентном уровне.

5. Существует взаимозависимость между языковой репрезентацией и манипулятивными фигурами. Манипулятивные фигуры искушения и запугивания всегда представлены условными конструкциями, однако, не всякая условная конструкция реализует манипулятивную фигуру искушения или запугивания.

Степень достоверности результатов исследования обеспечивается анализом обширного текстового материала, выводами, основанными на количественных подсчетах, возможностью их верификации на других материалах.

Апробация результатов исследования. Основные положения и выводы диссертационного исследования представлялись в докладах на международных конференциях в гг. Москве, Санкт-Петербурге, Тюмени, Челябинске, Екатеринбурге, Волгограде, Барнауле, Краснодаре, на научных семинарах кафедры французской филологии Тюменского государственного университета. Основные материалы исследования представлены в монографиях «Средства выражения семиотической фигуры манипуляции в религиозном дискурсе» (Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2010, объем 10,75 п.л.) и «Семиолингвистические аспекты религиозного дискурса» (Тюмень, Издательство Тюменского государственного университета, 2012, объем 12,25 п. л.), а также в 37 публикациях, из них 15 в изданиях, включенных в перечень ведущих рецензируемых научных журналов. В 1995 г. автор выиграл грант правительства Французской Республики на проведение исследований по агиографии Киевской Руси.

Структура и объем работы: диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, списка сокращений, списка терминов и двух приложений. Содержание работы изложено на 312 страницах машинописного текста. К основному тексту прилагается библиографический список, включающий 361 наименование на русском и иностранных языках.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** содержится обоснование актуальности темы, дается характеристика объекта и предмета исследования, определяются направления исследования, формулируются его цели и задачи, описывается методологическая база исследования и формулируются его основные положения.

В **Первой главе «Лингвистические и семиотические характеристики религиозного и житийного дискурса, дискурсивная схема жития»** рассматриваются современные теории дискурса и намечаются пути их интеграции с целью более адекватного научного описания феномена житийного дискурса с лингвистических позиций.

В настоящем исследовании теоретическую основу анализа дискурса составили труды французской школы, представители которой, обращаясь к дискурсу, систематически связывают результаты своих изысканий с языковыми процессами в диахронии. Мы поддерживаем концепцию М. Фуко, рассматривая дискурсы как группы утверждений, ограниченных правилами. Мы также разделяем точку зрения Ж. Гийому и Д. Мальдидье на то, что формирование смысла происходит не только посредством лексических механизмов, но и посредством синтаксических механизмов и механизмов формирования высказывания (Гийому, Мальдидье 2002). Вслед за Н. Н. Белозеровой мы утверждаем, что дискурс и интертекст являются частями семиосферы, входящей в ноосферу и, соответственно, в биосферу (Белозерова 2001). Эта концепция переключается с теориями постструктурализма о том, что дискурсы не описывают реальность, а создают ее (Йоргенсен, Филлипс 2008).

Нам близка точка зрения Л. Ельмслева, который считал, что дискурс, как в устный, так и в письменный, будучи семиотической формой, способен проявлять себя на различных уровнях, в отличие от Р. Якобсона, полагавшего, что устная речь и, соответственно, дискурс, первичны, а письмо — лишь производная величина, перевод устного выражения (Greimas, Courtés 1993).

Семиотический метод анализа материала выбран в качестве основного в настоящей работе на том основании, что он даёт возможность выявить такие глубинные культурные феномены в их взаимосвязи с языком, которые ранее не обнаруживались при дискурсивном анализе. Это прежде всего феномены дискурсивной схемы жития, механизма действия житийного дискурса, реализации манипулятивных фигур, базовых манипулятивных ценностей житийного дискурса.

В российской лингвистике интерес к исследованию дискурса появился в последние 20 лет. Представляется возможным выделить несколько направлений в исследовании дискурса в отечественном языковедении:

1) *описательное*, в рамках которого исследуются отдельные жанры дискурса;

2) *когнитивное*, в котором выявляется связь между денотативной ситуацией и семантикой высказывания;

3) *прагматическое*, в котором устанавливаются параметры ситуативно связанного дискурса;

4) *грамматическое*, выявляющее особенности отражения мира в языковом сознании.

Представляется, что когнитивный подход к изучению дискурса игнорирует специфику языкового сознания человека, а прагматический подход способен выявить только ситуативно связанные смыслы, а не стереотипы. В настоящем исследовании предпринят комплексный анализ житийного дискурса: мы придерживаемся в равной мере описательного направления, семиолингвистического и грамматического.

В целом в исследованиях религиозного дискурса можно выявить следующие направления:

- комплексное изучение религиозного дискурса;
- изучение языкового своеобразия библейских, житийных текстов и Евангелий, религиозного дискурса;
- выявление ключевых религиозных концептов;
- описание отдельных жанров;
- выявление стратегий и тактик в религиозном дискурсе;
- установление просодических характеристик жанров;
- исследование интертекстуальности;
- выявление тропов;
- семиотические исследования Библии;
- критический анализ религиозного дискурса, выявляющий национальную идентичность.

Неисследованными остаются житийный дискурс, манипуляция в житийном дискурсе, его дискурсивная схема и система ценностей.

Характеристика **религиозного дискурса**, разновидностью которого является житийный дискурс, требует определения его границ. Этот вопрос связан с проблемой институциональности религиозного дискурса и

с двумя возможными подходами к ее решению. В узком понимании, как это делают В. И. Карасик и Е. В. Бобырева, можно рассматривать данный дискурс однозначно — как институциональный. Широкий же подход опирается на два уровня в определении религии. На первом уровне религия определяется как «система верований и практик, подразумевающих отношения с высшим принципом, и свойственная социальной группе» (перевод наш. Е.А. Petit Robert). При этом подразумевается наличие учреждения, обеспечивающего такие отношения, церкви. Следовательно, это узкое понимание религии. Второй уровень религии — личностный, он может быть понят как «совокупность ритуальных актов, связанных с областью священного, отличного от профанного, и предназначенных соединить человеческую душу с Богом» (Ibid.). Соответственно, первый уровень представлен институциональными формами коммуникации, второй — неинституциональными.

Представляется, что религиозный дискурс не может быть ограничен только статусно-ориентированным общением, поэтому мы, в соответствии с широким пониманием, включаем в религиозный дискурс как институциональные, так и неинституциональные формы общения, т.е. бытовой дискурс. Вслед за Е. И. Шейгал, которая исходит из широкого понимания политического дискурса и включает в него как институциональные, так и неинституциональные формы общения, если у них к сфере политики относится субъект сообщения, содержание сообщения или адресат (Шейгал 2000), мы считаем религиозным дискурсом все формы общения, где к сфере религии относится хотя бы одна из трех составляющих.

По мнению Е. Е. Анисимовой, конституирующим концептом житийного дискурса выступает концепт «святость». Автор предлагает широкое и узкое понимание термина «житийный дискурс»: в широком значении житийный дискурс охватывает как вербальные, так и невербальные произведения, относящиеся к личности святого, а в узком значении к нему относятся житие и разнообразная житийная литература. К основным функциям жития автор относит функции коммуникативную, сакральную, информационно-фактологическую, дидактическую, экспрессивную, панегирическую и культурно-историческую.

Автор выявляет концептосферу жития, отражающую борьбу божественных сил и сил тьмы на Земле: в ней концепты **Бог, церковь, добродетель, чудо** противопоставляются концептам **дьявол, грех**. Концепты

Благодарность и Покаяние Е. Е. Анисимова также рассматривает как значимые, изучая их реализацию в переводах жития о Николае Чудотворце на русский и немецкий языки.

Исследование Е. Е. Анисимовой представляет большой интерес для настоящей работы: мы, вслед за автором, признаем, что понятие «святость» является центральным для житийного дискурса и рассматриваем житийный дискурс как вид религиозного дискурса. Вместе с тем, Е. Е. Анисимова, описывая концептосферу житийного дискурса и приводя жанровые характеристики жития, не обращается к осмыслению других его существенных сторон, таких как его механизм, дискурсивная схема, аксиология. Представляется, что семиолингвистическое исследование житийного дискурса позволит нам выявить и интерпретировать указанные значимые стороны.

Для определения житийного дискурса мы используем понятия «соматическое» и «практика». А.-Ж. Греймас и Ж. Куртес понимают под «соматическим» движения тела человека или животного (Greimas, Courtés 1993). Под «семиотическими практиками» авторы понимают «значимые последовательности организованного соматического поведения, которые реализуются как в виде простых социальных стереотипов, так и в алгоритмах действий» (Ibid.).

*Мы рассматриваем житийные тексты как вербальную метапрактику, т. е. как вербальную практику, описывающую вербальную и семиотическую практики святого. Семиотически **житийный дискурс** можно определить как вербальную метапрактику, развивающую тематическую роль «святой» в виде успешного нарративного пути, являющегося образцовым для Получателя сообщения. Здесь Субъект имитирует нарративный путь своего трансцендентного Отправителя (периода, когда тот был имманентным Субъектом) и обеспечивает для себя и своего конечного Получателя — общества модальные и дескриптивные ценности посредством своего знания и способности на уровне трансцендентного и общественного контрактов.*

По нашему мнению, участниками житийного дискурса выступают трансцендентный Отправитель и его делегированные представители (Бог, Богородица, апостолы, ангелы, умершие святые), Субъект (святой), не-Субъекты (монахи, прихожане, христиане), трансцендентный анти-Отправитель (дьявол, бес), анти-Субъекты (иноверцы, христиане, служащие трансцендентному анти-Отправителю).

Семиотика Парижской семиотической школы под руководством Альгирдаса-Жюльена Греймаса относится к дедуктивным методологиям

нарративного анализа. В основе предлагаемого этой школой подхода к анализу материала лежит современная теория повествования, отличающаяся, по нашему убеждению, разработанностью, цельностью и состоятельным терминологическим аппаратом (метаязыком). Согласно Ч. С. Пирсу, семиозис — это единство знака S, объекта O и Интерпретанты I (Пирс 2001). Если семиотика Ч. С. Пирса предполагает триаду, то семиотика Парижской школы упрощает это соотношение до бинарного, опираясь на учение Ф. де Соссюра, и исключает референт (объект). Далее рассмотрим необходимые для анализа положения Парижской семиотической школы, методологическая опора на которые позволила нам прийти к собственной концепции житийного дискурса.

Преследуя цель выявить дискурсивную схему жития, мы обратились к каноническим дискурсивным схемам, разработанным А.-Ж. Греймасом в результате анализа исследований В. Я. Проппа и изложенным Ж. Фонтанием (Fontanille 1998). Под «дискурсивной схемой» мы понимаем репрезентацию основных нарративных и дискурсивных свойств семиотического объекта. Различают 2 канонические схемы: схему испытания и схему поиска. Полная схема *испытания* имеет следующую структуру:

Конфронтация → **Доминирование** → **Присвоение/Лишение** (Ibid., p. 110).

Как видно, для житий такая схема не подходит.

Схема *поиска* вводит в действие четыре типа актантов: Отправителя и Получателя, Субъекта и Объекта. Поиск, по сути, представляет собой переход ценностей от одной инстанции к другой. Как пишет Ж. Фонтаний, речь идет уже не о конфликте двух актантов, а об определении ценностей, которые придадут весь смысл пути Субъекта (Ibid., p. 112). Путь пары Отправитель/Получатель заключается в следующем:

Контракт (или Манипуляция) → **Действие** → **Санкция.**

Путь Субъекта и Объекта:

Компетенция → **Трансформация** → **Последствие.**

Второй путь включен в первый, поскольку эти три этапа равнозначны второму этапу (Действию) первой схемы:

Действие = **Компетенция** → **Трансформация** → **Последствие** (Ibid., p. 112).

Следует заметить, что схема испытания тоже может обрамляться контрактной структурой с парой Отправитель/Получатель, однако об этом у

французских семиологов ничего не говорится. Так, царь может просить героя спасти царевну и впоследствии вознаградить его, отдав дочь и полцарства.

Представляется, что каноническая дискурсивная схема поиска также не подходит для анализа житий. Мы предлагаем дискурсивную схему жития, которая предполагает путь пары Отправитель/Получатель и путь пары анти-Отправитель/анти-Получатель:

Инициация → **Компетенция** [анти-Контракт → Интерпретация → Последствие] → **Контракт** → **Интерпретация** → **Трансформация** → **Санкция**.

Далее мы выявляем дискурсивную схему жития на материале житий на церковнославянском и на латинском языках.

Вторая глава «**Речевое воздействие и манипуляция**» посвящена осмыслению манипуляции как категории житийного дискурса. В связи с этим мы рассматриваем происхождение термина «манипуляция», уделяем внимание определению манипуляции в психологии, в лингвистике и в семиотике, а также соотношению манипуляции со смежными понятиями. В данной главе излагается теория речевого воздействия, исследуется соотношение средств речевого воздействия и манипуляции в православном житии и обосновывается вывод о том, что манипуляция характерна для житийного дискурса.

Манипуляция как категория дискурса описана лингвистами в двух направлениях:

1) *прагматическом*, предполагающем ее изучение с позиций коммуникативных стратегий и тактик; в рамках теории речевых жанров; как речевые акты; с позиций теории языковой личности; как псевдоаргументацию; с точки зрения оппозиций; как семантические приемы (ассерция и речевые импликатуры); как цитату; с позиций гендерных исследований;

2) *когнитивном*, рассматривающем манипуляцию как риторические фигуры и тропы; как оперирование концептами, ключевыми словами с мелиоративной и пейоративной функцией; как различные виды номинации; как разрушение языковой картины мира или как атаку на лингвокогнитивную базу; как прием межфреймового перехода.

Появляются работы, намечающие изучение манипуляции при использовании стилистических приемов; через призму ценностей; в лексикографии; с позиций нейро-лингвистического программирования; в переводческом аспекте; как оценки.

Представляется, что прагматическое и когнитивное направления в исследовании манипуляции не могут выявить связь манипуляции с ее регулярным языковым выражением.

На основании семиотического определения манипуляции мы предлагаем свое определение манипуляции. *Манипуляция — вид речевого воздействия, либо открыто побуждающий адресата к созданию положительных для адресанта ценностей, либо блокирующий деятельность адресата по созданию негативных для адресанта ценностей в прагматическом измерении (искушение и запугивание), в когнитивном же измерении (провокация и обольщение) речь идет о конъюнкции адресата с честью. В случае искушения адресант предлагает обмен культурными ценностями, побуждая к деятельности, в случае запугивания — обмен антиценностями, либо побуждая к деятельности, либо предотвращая ее; при провокации и обольщении адресант побуждает к деятельности, которая в первом случае реабилитирует адресата, а во втором подтверждает его статус.*

Как видно, в семиотической трактовке термин «манипуляция» не содержит негативного оценочного компонента. В настоящей работе понятие «манипуляция» трактуется как нейтральный, лишенный негативного оценочного компонента, термин.

По мнению Т. А. ван Дейка, манипуляция нелегитимна, так как она противоречит принципам кооперации Г. П. Грайса (Dijk van 2006). Поскольку семиотическая трактовка манипуляции отлична от общепринятой, рассмотрим подробнее виды манипуляции и их соответствие максимам Грайса. Первое правило (1) – **правило качества** – гласит: «Не утверждайте того, что вы считаете ложным. Не утверждайте того, чего не можете доказать». Рассмотрим искушение, например: **Иерданъ аще преидеши, добръ покой оврящеши** (Житие Марии Египетской) и т. д. В нашем материале к искушению прибегают как трансцендентный Отправитель (Бог, Богоматерь, ангелы, умершие святые), так и обычные христиане. Как правило, обещание исполняется, поэтому здесь мы не видим противоречия правилу качества. Что касается запугивания, например, **Всякъ, възмаа ножъ, и ножемъ ѹмираеть** (Киево-Печерский патерик), то адресант манипуляции, как правило, не лжет и полагает истинным свое утверждение. При обольщении, например, в Иисусовой молитве **«Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя»** адресант манипуляции верит в то, что говорит. При провокации, например: **ω чадо, видиши пещерѸ сїю скорбнѸ сѸщѸ и тѸбнѸ, ты же не стерпиши тѸбноты на мѸстѸ семь..** (Дими-

трий Ростовский. III. С. 720) правило качества соблюдается. (2) **Правило количества**: «Пусть ваш вклад содержит столько информации, сколько требуется... Пусть ваш вклад не содержит больше информации, чем это необходимо». Представляется, что приведенные виды манипуляции содержат необходимую и достаточную информацию. (3) **Правило отношения** (уместности): «Говорите кстати». В нашем материале манипулятивные высказывания всегда уместны. (4) **Правило модальности**: «Говорите ясно» (то есть: «Избегайте неясности и двусмысленности; будьте кратки; будьте методичны»). Полагаем, что рассмотренные виды манипуляции ясно отражают намерения говорящего. Таким образом, можно утверждать, что мы под манипуляцией имеем в виду нечто иное, не то, что подразумевают и осуждают лингвисты. В рассмотренных примерах налицо отсутствие скрытого воздействия на адресата в целях нанести ему вред. Сколь бы ни были разнообразны коммуникативные ситуации, в том числе содержащие агрессивные провокации и угрозы, все виды манипуляции в семиотическом понимании соответствуют максимам Грайса. И в этом отношении негативной коннотации у термина «манипуляция» не отмечается.

Искушение, запугивание, провокация и обольщение расцениваются в работе как манипулятивные фигуры. Понятие «фигура» ввел в лингвистику Луи Ельмслев. Он называл так либо единицы плана содержания, не имеющие плана выражения (например, метафора), либо единицы плана выражения, не имеющие плана содержания (фонемы). Таким образом, фигура по Ельмслеву не является знаком (Ельмслев 1960). Мы же под фигурой понимаем единицу, имеющую только план содержания.

Представляется, что в основе манипулятивных фигур (дискурсивных образований) лежат архетипы (ментальные образования). По мнению Ю. А. Шрейдера, если архетип невозможно предъявить через один типичный образец, его воплощающий, как обстоит дело с нашим материалом, его приходится рассматривать как образ (гештальт), заданный многообразием типических образцов (типическим многообразием) (Шрейдер 1981). Часть описания архетипа, допускающая нормативную интерпретацию без обращения к другим частям того же описания, называется описанием мерона или *мероном* описания (Майен, Шрейдер 1976). Предполагается, что архетип состоит из меронов, описания которых необходимо входят в описание архетипа (Там же).

Очевидно, что в случае искушения речь идет о предложении двустороннего контракта. Первая часть контракта содержит требование к манипули-

руемому (адресату) и представляет собой мерон, содержащий логическую предпосылку. Вторая часть содержит обязательство манипулятора (адресанта) и также является мероном описания. Искушение имеет архетипическую структуру, состоящую из двух меронов. Представляется, что архетипическая манипулятивная фигура искушения может быть выражена в виде следующего предложения: “Если ты (вы, он(-и)) сделаешь (сделаете, -ет(ют)) что-либо, то я (мы, он(-и)) сделаю(-ем),-ет(-ют)) для тебя (вас, него, них) что-либо или ты (вы, он(-и)) получишь(-те) (получит(-ат)) что-либо”.

Очевидно, что в случае запугивания речь идет о навязывании двустороннего контракта. Первая часть контракта содержит требование к манипулируемому (адресату) и представляет собой мерон, содержащий логическую предпосылку. Вторая часть содержит обязательство манипулятора (адресанта) и также является мероном описания. Запугивание имеет архетипическую структуру, состоящую из двух меронов. Представляется, что архетипическая манипулятивная фигура запугивания может быть выражена в виде следующего предложения: «Если ты (вы, он(-и)) не сделаешь (сделаете, сделает(-ют)) что-либо мне на пользу или ты (вы, он(и)) сделаешь (сделаете, сделает (-ют)) что-либо мне во вред, то я (мы, он(-и)) сделаю(-ем) (сделает(-ют)) во вред тебе (вам, ему, им) что-либо или ты (вы, он(-и)) (не) получишь(-те) (получит(-ат)) чего-либо».

В случае провокации речь идет о навязывании имплицитного контракта. Первая часть архетипической манипулятивной фигуры содержит негативную оценку адресата и представляет собой мерон, содержащий логическую предпосылку. Вторая часть содержит суждение манипулятора (адресанта) о неспособности адресата осуществлять определенную деятельность ввиду своего статуса. Провокация имеет архетипическую структуру, состоящую из двух меронов.

Представляется, что в случае обольщения речь идет о предложении контракта. Первая часть архетипической манипулятивной фигуры содержит положительную оценку адресата и представляет собой мерон, содержащий логическую предпосылку. Вторая часть содержит суждение манипулятора (адресанта) о том, какого рода деятельность манипулируемый может выполнять ввиду своего статуса, и также является мероном описания. Обольщение имеет архетипическую структуру, состоящую из двух меронов.

Основатель Парижской школы семиотики А.-Ж. Греймас рассматривал только 4 манипулятивные фигуры: искушение и запугивание в плане модальности *мочь* и обольщение и провокацию в плане модальности *знать*. Опира-

ясь на модальность *мочь*, манипулятор предлагает манипулируемому положительные (искушение) или отрицательные ценности (запугивание), действуя в прагматическом измерении. В когнитивном измерении он высказывает о манипулируемом адресате положительное суждение (обольщение) или отрицательное суждение (провокация), оценивая его компетенцию, необходимую для совершения некоторого действия (Greimas, Courtés 1993: 221). При этом автор не включает такие элементы деонтической категории модальности (модальность *быть должным*), как предписание и запрет, в состав манипулятивных категорий. По-видимому, это объясняется статусом модальности *быть должным* во французской семиотике. Рассмотрим Таблицу 1 (Ibid., p. 231):

Таблица 1.

Модальности

модальности	виртуализирующие	актуализирующие	реализующие
экзотаксические	быть должным	мочь	делать
эндотаксические	хотеть	знать	быть

Модальности *мочь* и *знать* отнесены А.-Ж. Греймасом к актуализирующим, на этом основании они получили статус манипулятивных. Необходимо объяснить, что после Н. Хомского во французской семиотике стали различать три типа семиотического существования: виртуальное, актуальное и реализованное (Ibid.). Субъект становится таковым, если он стремится к какому-либо Объекту, тогда и Субъект, и Объект являются актуализованными и находятся в дизъюнкции, когда же Субъект получает Объект, оба являются реализованными Субъектом и Объектом. До актуализации недостачи Объекта Субъект является виртуальным Субъектом, это этап виртуализации.

По А.-Ж. Греймасу, синтагматический путь может направляться иерархией следующих модальностей:

хотеть → знать → мочь ⇒ делать.

Модальная ценность *знать* без категории *мочь* недостаточна для действия, но категория *знать* не является необходимой для приобретения категории *мочь*, то есть знание факультативно (Greimas 1970: 179-180). Автор выводит на этом основании иерархию Субъектов: «знающие» Субъекты (Мальчик-с-Пальчик) и «могущественные» Субъекты (Людоед).

Ученик А.-Ж. Греймаса Ж. К. Кокэ предложил «трансформационную историю актанта» с целью установления его личности (Coquet 1984: 69):

хотеть → знать → мочь ⇒ делать

знать → мочь → хотеть ⇒ делать (Ibid., p. 87-93).

Первый путь присущ *Субъекту-искателю*, осуществляющему программу присвоения Объекта с целью установления своей личности. Второй путь принадлежит *правовому Субъекту*, который, опираясь на свою установленную личность, выполняет программу приобретения Объекта с целью проявления своей способности (мочь), управляемой знанием. Например, «преподаватель» является правовым Субъектом, а «творец» – Субъектом-искателем (Ibid.).

Отметим, что категория долга, предполагаемая обоими авторами в парадигматическом плане, игнорируется обоими в синтагматическом плане. Представляется, что возможен третий синтагматический путь:

знать → мочь → быть должным ⇒ делать.

Этот путь, по нашему мнению, присущ для *Субъекта долга*. В изученных нами текстах древнерусских житий на церковнославянском языке середины XV-XVII вв. к Субъекту, принявшему сан игумена или епископа, или к Субъекту, постриженному в монахи, обращаются с речью, содержащей предписание и реже запрет. Мы пришли к выводу, что модальность долга не является виртуализирующей, поскольку предполагает уже сформированную компетенцию Субъекта (*знать* и *мочь*). Имманентный Отправитель обращается не к случайному индивиду, а к Субъекту, чья компетенция необходима и достаточна для осуществления действия. С каким же Объектом в данном случае стремится соединиться *Субъект долга*? Если в случае искушения и запугивания он приобретает положительный или отрицательный Объект, а в случае обольщения и провокации он стремится вступить в конъюнкцию с такой ценностью, как честь, то при предписании и запрете он также конъюнктурирует с этой положительной ценностью, поскольку в конце пути, после выполнения контракта, его ждет положительная санкция (признание), что является суждением конечного Отправителя о выполненной нарративной программе и статусе *Субъекта долга*.

На этом основании мы разграничиваем модальности *хотеть* и *быть должным*: если Субъект-искатель не имеет необходимой компетенции и приобретает её до совершения действия, то *Субъект долга* уже имеет необходимую компетенцию для совершения действия, признанную Отправителем, то есть извне, на уровне социума.

Поэтому мы рассматриваем модальность **БЫТЬ ДОЛЖНЫМ** как актуализирующую в Таблице 2:

Модальности

модальности	виртуализирующие	актуализирующие	реализующие
экзотаксические		мочь	делать
		быть должным	
эндотаксические	хотеть	знать	быть

Следовательно, признав модальность долга актуализирующей категорией, мы имеем основания для включения предписания и запрета в состав манипулятивных категорий.

Полагаем, что архетипическая манипулятивная фигура предписания выглядит следующим образом: «Следует делать что-либо».

Архетипическая манипулятивная фигура запрета может быть представлена в виде следующего предложения: «Не следует делать чего-либо».

Представляется, что средством реализации манипулятивных фигур выступает речевой акт. Вслед за А. А. Арским, мы рассматриваем угрозу и предупреждение как два вида категории предупреждения: их доминирующим признаком является оказание давления на волю адресата, тогда как по наличию семантики волеизъявления (требование / совет) и по бенефактивности действия (угроза произносится в интересах адресанта, а предупреждение — в интересах адресата) эти виды различаются (Арский 1998: 44). В настоящем исследовании угроза и предупреждение рассматриваются совокупно. Речевой акт предупреждения/угрозы реализует манипулятивную фигуру запугивания.

Представляется, что в существующих классификациях директивов своеобразие речевого акта искушения не отмечено. По мнению Серля, речевые акты директивного типа имеют своей целью заставить адресата сделать что-либо. В случае искушения адресант побуждает адресата совершить какое-либо действие в интересах первого, обязуясь при этом совершить ответное действие в пользу адресата. Таким образом, речевой акт искушения является одновременно директивом и комиссивом, как предостережение и угроза. Речевой акт искушения по иллюкутивной силе идентичен речевым актам предостережения и угрозы, но их пропозиции различны: в речевых актах предостережения и угрозы говорящий побуждает адресата отказаться от совершения какого-либо нежелательного для

говорящего действия, обязуясь в ответ совершить действие, противоречащее интересам адресата. На том основании, что предостережение и угроза выделяются как виды директивного речевого акта, мы предлагаем речевой акт искушения в качестве отдельного вида директивов, поскольку их позиции различны.

Таким образом, мы полагаем, что манипулятивная фигура искушения реализуется в директивном акте искушения, манипулятивная фигура запугивания — в директивных актах предостережения/угрозы, манипулятивная фигура обольщения в виде реквестива, манипулятивная фигура провокации – в виде бехабитива, манипулятивные фигуры предписания и запрета – в виде прескриптивов.

В Третьей главе **«Манипулятивные фигуры в православном и католическом житийном дискурсе XI – начала XV вв.»** мы выявляем дискурсивные и грамматические средства выражения манипулятивных фигур.

Нами установлено, что в православном житийном дискурсе XI – начала XV вв. преобладают манипулятивные фигуры искушения и запугивания: на материале из 700 страниц церковнославянского текста было обнаружено 325 речевых актов и макроактов, реализующих манипулятивные фигуры. Из них 169 речевых актов и макроактов искушения (52%), реализующих манипулятивную фигуру искушения, 78 речевых актов и макроактов предостережения/угрозы (24%), реализующих манипулятивную фигуру запугивания, 62 реквестива (19,1%), реализующих манипулятивную фигуру обольщения, 9 бехабитивов (2,7%), реализующих манипулятивную фигуру провокации, 5 прескриптивов (1,5%), реализующих манипулятивную фигуру предписания и 2 прескриптива (0,6%), реализующих манипулятивную фигуру запрета.

Проведенное исследование выявило, что архетипическая манипулятивная фигура искушения реализуется в речевых актах и макроактах искушения, которые представлены только условными конструкциями в XI – начале XV вв.

Рассмотрим речевой акт искушения: **Царь же с патрикини устроивъ сего Философа, посла на нь, рекъ тако: Аще можеши уношѣ сего препрѣти, то пакы столь свои примеши** (Житие Константина-Кирилла).

Речевой акт искушения представлен условной конструкцией, в которой придаточное содержит глагол 2 лица в настоящем/будущем времени.

При этом в главном предложении употребляется глагол 2 лица в будущем времени.

Мы полагаем, что манипулятивная фигура искушения реализуется в речевом акте искушения, который представлен условной конструкцией Аще можеши уношу сего препрѣти, то паки столъ свои примещи. Отметим прежде всего наличие шифтеров, то есть дейктических маркеров, в нашем примере это окончание 2 лица -ши в глаголе *можеши*, указывающее на адресата и окончание 2 лица ед. ч. -ши в глаголе *примещи*, указывающее на адресанта. Мы в данном случае обращаемся к шифтерам как к параметру дискурсивного анализа.

Всего в древнерусских житиях XI – начала XV вв. было обнаружено 78 речевых актов и макроактов предостережения/угрозы, реализующих манипулятивную фигуру запугивания, из 325 речевых актов и макроактов, или 24%. Рассмотрим речевые акты предостережения/угрозы. Исследование выявило, что речевой акт и макроакт предостережения/угрозы представлен только условными конструкциями.

Обратимся к примеру: Обѣщалься еси възприати мнишескый образъ. Аще съльжеши, съ животом и душею погывнеши (Киево-Печерский патерик). Условное придаточное содержит глагол 2 лица в будущем времени. При главном предложении употребляется глагол 2 лица в будущем времени. Как видно, в условной части сложноподчиненного предложения и в его главной части употреблен шифтер (окончание глагола 2 лица ед. числа) и агентивный глагол, в главной части конструкции употребляется лексика негативной семантики.

Всего было выявлено 62 реквестива, реализующих манипулятивную фигуру обольщения, из них 40 на трансцендентном уровне (64,5%) и 12 на имманентном уровне (35,5%). Рассмотрим обольщение на трансцендентном уровне. Как правило, на данном уровне всегда присутствуют оба мерона манипулятивной фигуры: Тому же нѣколи волящю и при коньци уже сый, моляшеся Богу съ слъзами, глаголя: Господи мой, Исусе Христе, съподоби мя съобъзнику быти славы святыхъ твоихъ и съ тѣми причаститися царствию твоему и не отлучи мене, молю ти ся, Владыко, отца и наставника моего преподобнаго Феодосия, нъ съ тѣмъ ѹбо причѣти мя въ свѣтѣ томъ, еже еси ѹготовалъ правдыникомъ (Житие Феодосия).

В древнерусских житиях было выявлено 9 фигур провокации, 5 фигур предписания и 2 фигуры запрета, которые мы здесь не рассматриваем ввиду малого количества примеров.

Нами установлено, что в католическом житийном дискурсе XIII в. преобладают манипулятивные фигуры искушения и запугивания: на материале из 700 страниц латинского текста нами обнаружено 246 речевых актов и макроактов, реализующих манипулятивные фигуры. Из них 112 речевых актов и макроактов искушения (45,5%), реализующих манипулятивную фигуру искушения, 59 речевых актов и макроактов предостережения/угрозы (24%), реализующих манипулятивную фигуру запугивания, 49 реквестивов (19,9%), реализующих манипулятивную фигуру обольщения, и 26 бегахбитивов (10,6%), реализующих манипулятивную фигуру провокации.

В ходе исследования выявлено, что архетипическая манипулятивная фигура искушения реализуется в речевом акте и макроакте искушения, которые представлены в католическом житийном дискурсе XIII в. только условными конструкциями. Зависимая часть условной конструкции содержит глагол в Praesens indicativi, Futurum II indicativi, или в Praesens conjunctivi, или в Futurum I indicativi, или в Imperfectum conjunctivi. При этом в главной части употребляется глагол в Futurum I indicativi или в Praesens conjunctivi, или в Imperfectum conjunctivi:

« <u>Si uis me adorare et seruus meus esse et Christum tuum negare, faciam te sedere in dextera mea</u> ».	« <u>Если ты хочешь поклоняться мне, быть моим слугой и отказаться от своего Христа, я тебя посажу справа от себя</u> ».
Ille aurem mox signum crucis edidit et se Christi saluatoris seruum esse libere exclamauit. Statimque ut edidit signum crucis, omnis illa demonum multitudo euanuit (P. 469-470).	Но нотариус поспешил перекреститься и воскликнул, что он является слугой Спасителя Христа. Не успел он перекреститься, как все множество демонов исчезло».

Манипулятивная фигура искушения может быть представлена в латинском языке при помощи косвенной речи, что не свойственно православным житиям. Мы не включали примеры с косвенной речью в общее количество примеров искушения, поскольку она не относится к собственно дискурсу.

Всего в «Золотой легенде» обнаружено 59 речевых актов и макроактов предостережения/угрозы, или 27,2% от общего числа манипуляций. Условное придаточное содержит глагол в Futurum II indicativi, Futurum I indicativi, Praesens indicativi, Praesens conjunctivi, Imperfectum conjunc-

tivi. При этом в главной части употребляется глагол в Futurum I indicativi, Praesens conjunctivi, Imperfectum conjunctivi:

«Si me non audieris ego barbaris uen- «Если ты меня не слушаешься, я дам те». Ducens ergo eum ut dixerat продам тебя варварам». Тогда тот повел его с собой, как было сказано, одел его в лохмотья, продал его как одного из своих рабов и раздал бедным тридцать монет, которые за него выучил.

В «Золотой легенде» выявлено 49 реквестивов, реализующих манипулятивную фигуру обольщения, т. е. 19,9% от общего числа речевых актов: 20 на трансцендентном уровне (40,8% от общего числа обольщений) и 29 на имманентном уровне (59,2%). Рассмотрим общение на трансцендентном уровне. Как правило, в молитве всегда присутствуют оба мерона манипулятивной фигуры обольщения: обращение и просьба:

...dixitque Laurentius: domine Jesu «Господи Иисусе Христе, — сказал Christe, Deus de Deo, miserere mei Лаврентий, Бог Бога, — помилуй меня, servi tui, quia accusatus non negavi раба твоего, потому что тогда, когда nomen sanctum tuum, interrogatus меня обвинили, я не отрицал Твоего te dominum confessus sum (Leg. святого имени, и когда меня допрашивали, я тебя назвал своим Господином. Aurea. P. 491).

В «Золотой легенде» найдено 26 бехабитивов, реализующих манипулятивную фигуру провокации, т.е. 10,6 % от общего числа речевых актов. Фигура состоит из двух меронов, первый содержит негативную оценку адресата, второй мерон содержит суждение адресанта о неспособности адресата выполнять намеченное последним действие. Следует добавить, что для реализации провокации достаточно одного мерона из двух. Мы не обнаружили примеров, имеющих унифицированную вербальную форму, как это было в случае с искушением и запугиванием. Вместе с тем, все разнообразные примеры провокации содержат два или один (второй мерон):

«Insensate, speras per penas tuas dei «Безумец! Неужели ты надеешься mei a me auferre amorem qui ipsum in наказаниями отнять у меня любовь к me habeo corroborem!» (P. 112). Богу, который во мне и который дает мне силы переносить все наказания?»

Совокупные данные по количеству манипулятивных фигур в православном и католическом дискурсе XI – начала XV вв. представлены в Таблице 3:

Манипулятивные фигуры в житийном дискурсе XI – начала XV вв.

Православный житийный дискурс		Католический житийный дискурс	
Искушение	169	Искушение	112
Запугивание	78	Запугивание	59
Обольщение	62	Обольщение	49
Провокация	9	Провокация	26
Предписание	5	Предписание	–
Запрет	2	Запрет	–
Общее количество	325	Общее количество	246

В Четвертой главе «Манипулятивные фигуры в православном и католическом житийном дискурсе середины XV-XVII вв.» выявляются и осмысливаются дискурсивные и грамматические средства выражения манипулятивных фигур в православном и католическом житийном дискурсе в сопоставлении.

Нами установлено, что в православном житийном дискурсе преобладает манипулятивная фигура искушения: на материале из 2400 страниц текста обнаружено 1795 речевых актов и макроактов, реализующих манипулятивные фигуры. Из них 762 речевых акта и макроакта искушения (42,5%), реализующих манипулятивную фигуру искушения, 598 реквестивов (33,3%), реализующих манипулятивную фигуру обольщения, 260 речевых актов и макроактов предостережения/угрозы (14,5%), реализующих манипулятивную фигуру запугивания, 102 прескриптива (5,7%), реализующих манипулятивную фигуру предписания, 49 бехабитивов (2,7%), реализующих манипулятивную фигуру провокации, 24 прескриптива (1,3%), реализующих манипулятивную фигуру запрета.

Проведенный анализ выявил, что архетипическая манипулятивная фигура искушения реализуется в речевых актах и макроактах искушения, которые представлены только условными конструкциями.

Рассмотрим речевой акт искушения. Условное придаточное содержит глагол 2 лица в будущем времени. При этом в главном предложении употребляется глагол 1 лица в будущем времени. Обратимся к ядру искушения, обету: **И един от то дъни лежашу ему и молящуся пречистой Богородици, и начаша звонити литургию, он же, лежа, възрѣв на образ пречистыя Богородица, держашего на рѹкѹ Създателя всего мира, Превѣчнаго Младенца, и, просле-**

зися, нача глаголати: **О Пречистыя госпоже владычице, Мати Божна, аще ми даси на ногах своих ходити, донели жив буду, никакоже обую сапогъ на ногу мою, ни паки шубу на грѣшное тѣло мое и до кончины живота моего. И абие в той час воста...** (Житие Кассиана Босого, С. 215).

В православном житийном дискурсе манипулятивная фигура обольщения уступает фигуре искушения. Всего было выявлено 598 реквестивов, реализующих манипулятивную фигуру обольщения, 433 на трансцендентном уровне (72,5% от общего числа обольщений) и 165 на имманентном уровне (27,5%).

Рассмотрим обольщение на трансцендентном уровне. Как правило, всегда присутствуют оба мерона манипулятивной фигуры: **вѣроу прїимъ въ срдцы своемъ. и оутавсѧ.. в вечер глѣбокъ прїиде къ гробѸ бл женаго старца корнилїа. и тамо на многъ ча моли глѧ. прпдвне вче корнилїе имаши дрѣзновенїе к бгоу. млтвами твоими избави мѧ ѿ волѣзни сѧ** (Житие Корнилия Комельского, С. 42).

К трансцендентному Отправителю обращаются обычно со следующими апеллятивами: **Господи, Боже вечный, Царю безначальный, всакого созданиѧ Творче и Владыко, Господи Иисусе Христе Боже мой, Царю пресвятыи, Боже и Господи.** Часто при побуждении в молитве используются агентивные глаголы в повелительном наклонении: **вразуми мѧ, оутверди мѧ, Ѹкрѣпи мѧ, прости мѧ, помози ми, спаси мѧ, призри, дай (даждь), избави мѧ, соблюди мѧ, не остави нас, не ѿстѸпи ѿ мене.** Как правило, речь идет о реквестивных директивах, побуждающих к действию в интересах адресанта (просьба, мольба). К Богоматери обращаются следующим образом: **пречистая и всемилоствивая еси госпоже, дево Богородице, пречистаѧ мати христа бога моего, ходатайце и застѸпницѣ, крѣпкаѧ помощнице роду человеческому, Владычице моя, пресвятая Богородице: ѡ прѣѧѧ Дво Владычице, помози ми грѣшномуу** (Макарий. Т.15. 2. С. фнз).

На имманентном уровне обычно святые общаются с другими монахами и прихожанами, прихожане обращаются с просьбами к святым при их жизни. В таких случаях часто используются апеллятивы **господїе и братїе, отче, честный отче, чадо, пастѸше наш добрый, отче дѸховный, възлюбленне, чада дѸховнаѧ, брате,** например: **чтный оче, съгрѣшихом прости ны** (Житие Дионисия Глушицкого, С. 24).

Всего в древнерусских житиях середины XV-XVII вв. было обнаружено 260 речевых актов и макроактов предостережения/угрозы, реализующих манипулятивную фигуру запугивания из 1795 речевых актов и макроактов, или 14,5%.

Всего мы выявили 69 прототипических конструкций в виде сложноподчиненного предложения условия, или 26,9% от общего числа запугиваний. Условное придаточное содержит глагол 2 лица в будущем времени. При этом в главном предложении употребляется глагол 1 лица в будущем времени: **нѣкїй же страшень стоаше вѣ чернѣ яко смола. и в рѣцѣ своей держаше орѹжіе оустрашаа ма, и глаголаша ми. аще начнеши молитиса то орѹжіем погѹблю та** (Житие Павла Обнорского (чудеса). С. 12).

Всего обнаружено 102 прескриптива, реализующих манипулятивную фигуру предписания, или 5,7% от общего числа манипуляций. В нашем материале категория «предписание» реализуется преимущественно при помощи безличного глагола в 3 л. **подобаєт**: доминируют обращения ко 2 лицу ед. или мн. ч. в дат. п. (40 примеров, или 39 %), напр.: **пѹдобаєт ти иноу цркъвь болша сіа създати. понеже братїи твоєи множащися. и яко имѣти имаши застѣпницю и помощницю прчтѣю ѿнне и до вѣка** (Житие Дионисия Глушицкого. С. 10).

Как видим, трансцендентный Отправитель в виде ангела обращается к Субъекту (игумену) с предписанием конкретного действия. Деонтическая модальность реализуется при помощи предиката **подобаєт**, имеющего значение долженствования, управляющего инфинитивом.

Отмечены также случаи употребления безличного глагола **достойт**, кратких прилагательных **должно**, **лепо** и существительного **потреба** (есть) в роли модализирующих предикатов долженствования. В синтаксическом отношении эти краткие прилагательные и существительное играют роль предикативных наречий.

Всего зафиксировано 49 бехабитивов, релизующих манипулятивную фигуру провокации, или 2,7% от общего числа манипуляций.

Рассмотрим пример, где реализованы оба мерона фигуры: **в чадо видиши ли, ко мѣсто сіе скорбнѡ баше и подвижно на всакоє дѣло: ты же юнѣ сый и не оу совершена возраста dospѣль еси, яко мню, не имаши терпѣти скорби на мѣстѣ сем** (Житие Кирилла Новоезерского. С. 5).

Как правило, при провокации представлены оба мерона фигуры (36 бехабитивов), но один мерон необходим и достаточен для успешной манипуляции:

в чадо, видиши пещерѹ сію скорбнѹ «О чадо, разве не видишь пещеру сѹщѹ и тѣснѹ, ты же не стерпиши тѣсноты на мѣстѣ семъ... всех других. Ты же не сможешь, (Димитрий Ростовский. III. С. 720). **живя здесь, снести все лишения**».

Мы выявили всего 24 реализации манипулятивной фигуры запрета в виде прескриптивов, что составляет 1,3% от общего числа манипуляций.

Чаще всего в роли модализирующего предиката встречается глагол подбавляет в отрицательной форме (14 случаев, или 58,3%): ... **тѣмже братїи, доволны бѣдемъ оуставленною одеждоу нашею, и пицею предложенною на трапезе, в кѣ келїи же ѿ сицевыхъ ничтоже имѣти подбавлет..** (Свт. Димитрий Ростовский. III. С. 727).

Нами установлено, что в католическом житийном дискурсе преобладает манипулятивная фигура обольщения: на материале из 2400 страниц текста было обнаружено 433 речевых актов и макроактов, реализующих манипулятивные фигуры. Из них 200 реквестивов (46,2%), реализующих манипулятивную фигуру обольщения, 148 речевых актов и макроактов искушения (34,2%), реализующих манипулятивную фигуру искушения, 35 речевых актов и макроактов предостережения/угрозы (8%), реализующих манипулятивную фигуру запугивания, 35 прескриптивов (8%), реализующих манипулятивную фигуру предписания, 8 бехабитивов (1,8%), реализующих манипулятивную фигуру провокации, 7 прескриптивов (1,6%), реализующих манипулятивную фигуру запрета.

Всего было выявлено 200 реквестивов, реализующих манипулятивную фигуру обольщения, 152 на трансцендентном уровне (76% от общего числа обольщений) и 48 на имманентном уровне общения (24%).

Рассмотрим общение на трансцендентном уровне. Как правило, всегда реализованы оба мерона манипулятивной фигуры:

“Tu autem Domine virtutis, Rex gloriae, virtus et sapientia Patris, Sanctorum splendor, mihi timido et insueti ... agredienti materiam, ... assiste...” (Acta Sanctorum aprilis. I. P. 423).
«Ты же, Бог добродетели, Царь славы, сила и мудрость Отца, величие святых, помоги мне, робкому и неуверенному, приступающему к материалу...».

К трансцендентному Отправителю обращаются обычно со следующими апеллятивами: Domine Iesu Christe (Господи Иисусе Христе), Rex omnipotens (всемогущий Царь), Deus omnipotens (всемогущий Бог), Deus amantissime (Возлюбленный Боже), Jesu piissime (Боже милостивый), altissime Deus (высочайший Боже), Domine Deus meus (Господи Боже мой), напр.:

“Domine Iesu Christe Saluator meus, ab inimico me defende” (Acta Sanctorum martii. III. P. 185).
«Господи Иисусе Христе, Спаситель мой, защити меня от врага».

Как мы видим, необходимое действие адресата *defende* (защити), будучи побуждением, стоит в *Imperativus praesentis*. Часто при побуждении в молитве используются агентивные глаголы *sucurre* (спаси), *da* (дай), *miserere* (помилуй), *adiuva* (помоги), *sustine* (поддержи).

Адресант часто называет в молитве свое действие при помощи агентивных глаголов *oro* (молю), *obsecro* (прошу, умоляю), *quaeso* (прошу), *rogo* (прошу), *supplico* (умоляю), *peto* (прошу), например:

“*Amantissime Domine, quaeso mecum* «Возлюбленный Боже, прошу, *pedas mi Domine Iesu, benedic obsecro* ешь со мной, Господи мой Иисусе, *cibum hunc, et uno cum seruulo tuo* молю, благослови пищу эту и затем *inde accipe*” (*Acta Sanctorum januarii*. вместе с рабом Твоим прими). II. P. 658).

В данном случае зависимый глагол (*edas*) употребляется в *Praesens conjunctivi*.

Проведенное исследование позволяет утверждать, что архетипическая манипулятивная фигура искушения реализуется в речевом акте и макроакте искушения, которые представлены в католическом житийном дискурсе только условными конструкциями.

В реальной форме (*casus realis*) условное придаточное содержит глагол в *Futurum II indicativi*. При этом в главном предложении употребляется глагол в *Futurum I indicativi* (31 пример из 43, или 72%):

Nam si eam [Passionem meam] vigi- Поистине, если ты его [мое Стра-
lanter et incessanter mente voceque дание] бдительно и неустанно пе-
reuolueris, omnes petitiones tuas ut реживешь разумом и голосом, все
benignus pater admittam, et illustrabo твои просьбы исполню, как добрый
te, non solum pro tua salute, sed pro отец, и прославлю тебя не только
aliorum... (*Acta Sanctorum februaryi*. для твоего спасения, но и для спа-
III. P. 318). сения других,

Условное придаточное может содержать глагол в *Futurum I indicativi*. При этом в главном предложении употребляется глагол в *Futurum I indicativi* (12 примеров из 43, или 28%).

Всего выявлено 35 речевых актов и макроактов предостережения/ угрозы, реализующих фигуру запугивания, или 8% от общего числа манипуляций. В реальной форме (*casus realis*) условное придаточное содержит глагол в *Futurum II indicativi*. При этом в главном предложении употребляется глагол в *Futurum I indicativi* (14 примеров):

Si Romam, inquit, ieris, Rauen- Если в Рим пойдешь, Равенну боль-
nam ulterius non videbis... (Acta ше не увидишь...
Sanctorum february. II. P. 115).

Нами зафиксировано 35 прескриптивов, реализующих манипулятив-
ную фигуру предписания, или 8 % от общего числа речевых актов. В на-
шем материале фигура «предписание» реализуется преимущественно в
прескриптиве при помощи безличного глагола в 3 л. oportet (13 примеров,
или 37 % от общего количества предписаний): доминируют сложнопод-
чиненные предложения цели, где этот глагол управляет предложением с
союзом ut в Coniunctivus (9 примеров):

Oportet, inquit, ut tibi haec puella Подобаает, говорит, чтобы эта знат-
clarissima desponsetur (Acta Sanc- нейшая девица обручилась с тобою.
torum aprilis. I. P. 695).

Деонтическая модальность реализуется при помощи предиката oportet,
имеющего значение долженствования, управляющего предложением цели.

Мы зафиксировали только 8 бехабитивов, реализующих манипулятив-
ную фигуру провокации, что составляет 1,8% от общего количества мани-
пуляций.

Из пяти реальных конструкций только три реализуют оба мерона фи-
гуры, т.е. первый мерон, включающий негативную оценку адресата, и вто-
рой мерон с суждением адресанта о неспособности адресата выполнять
намеченное последним действие, например:

Redito fili, quia admodum iuuenis es, et Вернись назад, сын, ты очень мо-
regulae iugum deferre minime poteris лод, и не сможешь вынести бремя-
(Acta Sanctorum february. III. P. 481). ни устава.

В католическом дискурсе мы выявили всего 7 прескриптивов, реали-
зующих манипулятивную фигуру запрета, что составляет 1,6% от общего
числа манипуляций.

В 3 случаях употреблен глагол non oportet (не подобает):

Ob hoc, fili, noli contristari, quia Dei Об этом, сын мой, не печалься, по-
famulos non oportet injusto edulio тому что слугам Божиим не подоба-
contaminari (Acta Sanctorum aprilis. et осквернять себя неправедными
III. P. 327). яствами.

В остальных случаях используются глагол *prohibeo, prohibui, prohibi-tum, ere* II (запрещать) и глагол *non licet* (не позволено, не разрешается).

Для выявления своеобразия манипуляции, представленной цитатами из архитектста, мы рассматриваем понятия «интердискурс» и «интердискурсивность». Мы разделяем позицию П. Шародо и Д. Мэнгено, которые в узком смысле понимают под интердискурсом дискурсивное пространство, совокупность дискурсов, взаимно разграничивающих друг друга (Charaudeau, Maingueneau 2002: 324). В широком смысле «интердискурс» — это совокупность дискурсивных единиц (относящихся к предшествующим дискурсам того же жанра, к современным дискурсам других жанров и т. д.), с которыми отдельный дискурс вступает в имплицитные или эксплицитные отношения (Ibid.). И, соответственно, интердискурсивность понимается как способность дискурса вступать в разнообразные отношения с другими дискурсами.

Мы вводим в научный обиход понятие «авторизованная интердискурсивная манипуляция», под которой мы понимаем использование цитаты архитектста, содержащей манипулятивную фигуру. Если в православном житийном дискурсе XI – начала XV вв. было зафиксировано 90 обобщенных манипуляций с цитированием архитектста и в католическом дискурсе XIII в. — 2, то в православном дискурсе середины XV-XVII вв. — 408 обобщенных манипуляций с цитированием архитектста, а в католическом житийном дискурсе XVII вв. — всего 51 обобщенная манипуляция, т. е. в 8 раз меньше.

Мы рассматриваем авторизованную интердискурсивную манипуляцию как маркер конституирующего дискурса на том основании, что в манипуляции фигурируют ценности и антиценности, общепринятые в данном коллективе, и в случае воздействия на адресата манипуляции автор жития использует цитаты по поводу уже имевших место типичных ситуаций побуждения к стандартному поведению или запрещения девиантного поведения, которые можно считать *loci communes* в житийном дискурсе. Мы полагаем, что интердискурсивность, и в частности интердискурсивная манипуляция, могут выступать в качестве маркера традиционализма религиозного дискурса, поскольку при этом дискурсивные практики комбинируются общепринятыми способами.

Дж. Браун и Дж. Юл различают две функции языка: транзакционную и интеракционную (Brown, Yule 1983). Первая функция сосредото-

точена на передаче информации, а вторая — на установлении и поддержании общественных отношений. Обилие интердискурсивных манипуляций в православном житийном дискурсе позволяет нам сделать вывод о преобладании в нем интеракциональной функции, тогда как в католическом житийном дискурсе доминирует трансакциональная функция.

Подавляющее преобладание манипулятивных фигур в православном житийном дискурсе по сравнению с католическим дискурсом (в 4 раза) объясняется также тем фактом, что в католическом дискурсе манипуляция представлена не только прямой, но и косвенной речью. Мы же косвенную речь не рассматривали на том основании, что она является частью рассказа, а не собственно дискурса.

К. Ф. Седов пришел к выводу о существовании в рамках дискурсивной деятельности различных коммуникативных стратегий (Седов 2004). Он выделяет две глобальные коммуникативные стратегии речевого поведения: репрезентативную, или изобразительную, и нарративную, или аналитическую. Репрезентативная стратегия построения дискурса имеет установку на изображение в дискурсе неязыковых ситуаций. Нарративная стратегия отражает действительность на более высокой степени абстрагированности. Как полагает автор, выполнение коммуникативного задания здесь уже строится с установкой на передачу перекодированной информации об увиденном, а не на изображении ситуации языковыми средствами.

Представляется, что обоим изучаемым дискурсам присущи обе коммуникативные стратегии, но в православном житийном дискурсе доминирует репрезентативная коммуникативная стратегия, в то время как в католическом житийном дискурсе, где при манипуляции используется косвенная речь, преобладает нарративная коммуникативная стратегия.

Кроме того, мы полагаем, что использование прямой речи, содержащей шифтеры, может рассматриваться как дискурс в узком значении, включенный в повествование в рамках жития, а использование косвенной речи — как повествование. Употребление шифтеров создает подобие акта высказывания, по Греймасу и Куртесу (Greimas, Courtés 1993). Принято различать автора и читателя, а если речь идет о беседе между персонажами, то их считают собеседниками (Ibid.). На этом основании мы утверждаем, что манипуляция, представленная прямой речью, осуществляет манипулятивное воздействие на читателя ввиду присутствия

шифтеров, а манипуляция, представленная косвенной речью, — только информативное.

Общие количественные данные о манипулятивных фигурах в православном и католическом дискурсе середины XV – XVII вв. представлены в Таблице 4:

Таблица 4.

**Манипулятивные фигуры в житийном дискурсе
середины XV– XVII вв.**

Православный житийный дискурс		Католический житийный дискурс	
Искушение	762	Обольщение	200
Запугивание	598	Искушение	148
Обольщение	260	Запугивание	35
Предписание	102	Предписание	35
Провокация	49	Провокация	8
Запрет	24	Запрет	7
Общее количество	1795	Общее количество	433

В Пятой главе «Аксиология житийного дискурса. Семиотика житийного дискурса» выявляются базовые ценности обоих дискурсов с XI по XVII вв.

Прежде всего рассматриваются лингвистические исследования ценностей в отечественном языкознании. Они выполнены в русле психолингвистики, лингвокультурологии, теории речевых актов или дискурс-анализа (В. П. Синячкин, И. В. Рус-Брюшнина, Н. А. Сидорова, В. А. Марьянчик, А. А. Клиноква, Е. В. Бобырева, Е. М. Костюченкова, Л. О. Овчинникова, С. П. Самойлова). В целом, аксиологическая лингвистика только создается, ее характеризует прежде всего междисциплинарный подход. Поэтому нам представляется возможным обратиться к исследованию ценностей в рамках семиотики, поскольку таких исследований пока не появилось в отечественной лингвистике.

Манипулятивная фигура искушения состоит из двух меронов: требования манипулятора и обязательства манипулятора. В первом мероне речь идет о вспомогательных ценностях, тогда как во втором мероне – о базовых ценностях. Манипулятивная фигура запугивания состоит из двух меронов: требования манипулятора и обязательства манипулятора. Если требование манипулятора содержит глагол в утвердительной форме, то здесь имеется в виду вспомогательная антиценность, если же требование манипулятора содержит

глагол в отрицательной форме, то имеется в виду вспомогательная ценность. В обязательстве манипулятора фигурируют базовые антиценности.

Единицей анализа в данном разделе являются именные и глагольные лексемы, выражающие ценности. Объектом анализа выступают базовые ценности. При рассмотрении контрактов (манипуляции) мы учитываем адресанта сообщения.

В православном житийном дискурсе XI – начала XV вв. наибольшей степени на имманентном уровне к искушению прибегают христиане (Субъекты) (60,4% от общего числа искушений); гораздо реже — враги христианства (9,4%). На трансцендентном уровне его использует Отправитель (Бог и его делегированные представители: ангелы, умершие святые, иконы) (44,9%), а анти-Отправитель (дьявол, бесы) — только 3,1%.

В 7 контрактах, предложенных трансцендентным Отправителем, фигурирует такая базовая ценность, как «спасение»: **Обрѣтый душу свою погубить ю, а погубивъ ю мене ради — спасти ю** (Житие Феодосия).

Также в 7 контрактах базовой ценностью выступает «помощь» Божия, в 5 контрактах — «покой», в 3 контрактах — «великое благо», в 2 — «вечная жизнь».

Имманентный Отправитель в 17 случаях предлагает такую базовую ценность, как «исцеление»: **Паки же сему разволѣвшюся, нарѣчше посылает к тому святой, глаголя, яко: Въ 3 днни исцѣлѣши, аще не врачуешися. Послушав же его сурининъ, въ 3 день исцѣлѣ, по словеси влаженаго** (Киево-Печерский патерик).

Обратимся к ситуациям запугивания. В приведенном ниже примере «**празднъ глаголь**» выступает в качестве вспомогательной антиценности, а «**судъ**» — в качестве базовой антиценности. Подобных контрактов, где «суд» выступает в качестве базовой ценности, было выявлено 15: **За весь празднъ глаголь въздати есть слово въ день судный** (Житие Авраамия Смоленского).

В 4 случаях базовой антиценностью выступает «смерть».

На имманентном уровне в 7 контрактах наказание выступает в качестве базовой антиценности: **Великой есть выти опитемы граду сему, аще ся добръ не опечалиши; яко же и высть** (Житие Авраамия Смоленского).

В католическом житийном дискурсе XIII в. трансцендентный Отправитель предлагает в качестве базовой ценности при искушении в 2 случаях “sanitas” («исцеление»), “salvatio” («спасение»), “victoria” («победу»).

В 3 случаях трансцендентный анти-Отправитель предлагает в качестве базовой ценности “honor” («почет») и “vita” («жизнь»).

На имманентном уровне 8 контрактов предполагают такую базовую ценность, как “sanitas” («исцеление»):

«Erras, frater, erras, si demones deos баешься, если принимаешь демонов
putes; sed uade ad sanctum Germa- за богов. Лучше пойдя к святому Гер-
num Autissiodorensem episcopum. ману, епископу Аутиссидоренскому.
Si eius consilio acquieueris continuo ману, епископу Аутиссидоренскому.
sanus eris». (Т. II, Р. 897). Если исполнишь его советы, тотчас
исцелишься».

В католическом житийном дискурсе XIII в. чаще всего на имманентном уровне запугивание используют христиане (41,2% от общего числа запугиваний) и анти-Субъекты (35,4%). На трансцендентном уровне его использует Отправитель (Бог и его делегированные представители) (10,4%) и значительно реже – анти-Отправитель (дьявол, бесы) (10,4%); нейтральные персонажи к нему прибегают в 22,9%.

Анти-Субъект в 3 случаях использует базовую антиценность “supplicium” («пытка»), “indignitas” («позор») (2 контракта). Трансцендентный анти-Отправитель – “mors” («смерть»). “Mors” («смерть») является у католиков самой распространенной антиценностью: она упоминается в 7 контрактах.

В православном житийном дискурсе середины XV-XVII вв. из 395 необобщенных искушений 78 контрактов, или 19,9 % из них, исходят от трансцендентного Отправителя, т. е. 1/5 часть. В 23 контрактах предлагается такая базовая ценность, как «спасение»: и нача прилѣжнѣе со слезами молити Гда и гпжѢ ДѢѢ БогородицѢ: да наставленъ бѣдетъ какъ спасиша. и авѣе оуслыша гласъ дивенъ внѣ келїи издалеча съ высоты воздѡха глѡущъ: Курїлле, изыди ѡсюдѡ, и гради на Бѣлое езеро.. тамъ во тевѣ оуготовахъ мѣсто, на немже спасешиша (Димитрий Ростовский. IV. С. 130).

В 20 контрактах речь идет о создании монастыря на новом месте. Базовой ценностью здесь выступает «статус наставника и учителя». В 9 случаях предлагается такая базовая ценность, как «покой»; 6 контрактов предлагают «помощь»; в 6 контрактах речь идет о такой базовой ценности, как «воздаяние». В 14 случаях делегированный представитель трансцен-

дентного Отправителя обращается не к Субъекту, а к обыкновенным персонажам и обещает «исцеление». Как правило, это умерший святой.

Из 395 искушений 14 анти-контрактов (2,8%) исходят от анти-Отправителя. Большая их часть, 5 случаев, идентичны: они представляют собой искушение святого. Предлагаемая базовая ценность — «не-смерть»: **Єдиною въ ноци вѣ полкъ бѣсовскій нападе на него, коже нѣкое воинство, и съ ростію велію вопіаху: изыди ѿ мѣста сего, изыди, да не зле оумреши: и сѣа имъ глаголющымъ, пламень велій нсхождаше ѿ оустъ ихъ** (Димитрий Ростовский. I. С. 270).

В 69 (17,5% от 395) контрактах христиане (святые при жизни и другие лица) предлагают такую базовую ценность, которую можно определить как «воздаяние», мзду, награду: **..вниходи стадо свое мѣтвою и попеннем. не презри врежденна овчате своегѡ, но помилуй. възлей масло на стрѣпы его. да съврѣшени бывшее добрыми дѣлы, непостыдны гвѣтса на соудници хвѣ. и ты радостно реши се азъ и дѣти. да възданіе пріймеши ѿ владыки хѣ в бѣдоущій вѣкѣ** (Житие Дионисия Глушицкого. С. 30-31).

В 64 случаях (16,2 %) речь идет о «помощи Бога», например: **Ты же самъ ѡ себѣ не скорби, но возложи на бга всю твою печаль: и такъ пріймеши ѿ него помощь и застѣпленіе** (Житие Кирилла Новоезерского. С. 11).

48 контрактов (12,2 %) обещают «исцеление»: **По прилучаю же нѣкому иноку того же монастыря, въ немъже блаженный Гава лежаше, видѣвъ того стражуща, начатъ ему повѣдати, како исцеленія бывають отъ гроба блаженнаго: всяко бо, рече, аще с вѣрою приидеши, всяко исцѣлѣши** (Свт. Макарий. 4. 34).

23 искушения предлагают «милость Бога»; в 21 случае обещают «спасение»; в 18 искушениях речь идет о «вечных благах»; и, наконец, в 10 случаях обещают «победу».

Из 126 необобщенных запугиваний 19 анти-контрактов (или 15 %) исходят от трансцендентного анти-Отправителя.

В 14 случаях используется такая базовая антиценность, как «смерть»: **...и глаше что ма бѣете не послушаю ва. нѣв множество мнѡго людїи бїютъ ма лютѣ, не велат ми молити глѡце. аще не послѣшаеши нас то оувѣемъ та** (Житие Корнилия Комельского. С. 39).

В 6 контрактах речь идет о «страдании» или «муке»: **Єдиною же слѣчиса самомѡ разволѣтнса томѡ врач, посла оубо къ немѡ блженныи, глагола: аще не пѣши врачевства, скорѡ исцѣлѣши: аще ли**

мене не посъщлаеши, многу имаши пострадати (Димитрий Ростовский. I. С. 464-465).

В 5 случаях при запугивании используют антиценность «**клятва**» (проклятие); в 4 случаях речь идет о «смерти»; в 4 контрактах говорится о «Божьем суде»; в 4 случаях адресант использует такую базовую антиценность, как «казнь».

В католическом житийном дискурсе XVII в. из 87 необобщенных искушений 17 (или 19,5%) исходят от трансцендентного Отправителя, т. е. 1/5 часть.

В 5 контрактах адресант обещает быть всегда рядом с Субъектом, следовательно, оказывать ему «помощь», например:

Denique anni spatio deuoluto, Saluator В конце концов прошел год, Спаситель Деве сказал: Ну вот, дочь Моя, praepara ad longum iter iamiam per- готовься тщательно к долгому пути, agendum. Ne vero timueris, sed securior который вот сейчас предстоит совершить. Однако не бойся, но спокойно proficiscere, quoniam ad quascumque действуй, так как в какие бы города, tecum semper ero (Acta Sanctorum jan- лагеря и деревни ты не пришла, я всегда uarii. I. P. 894). да с тобою буду.

В 4 контрактах адресант обещает «хвалу» («laus»); в 3 случаях адресант предлагает такую базовую ценность, как «исцеление» («sanitas»).

Христиане прибегают к искушению в 69 случаях. Из них 17 раз адресант обещает такую базовую ценность, как «здоровье» («sanitas»):

Age jam exurge et ad D. Philareti sep- Действуй, тотчас встань и [иди] к ulcrum ubi concesseris, sanitatis rec- могиле св. Филарета, где получишь tae compos efficeris (Acta Sanctorum желаемое полное исцеление. aprilis. I. P. 617).

В 4 контрактах адресант предлагает «победу» («victoria»); в 2 случаях адресант обещает «воздаяние» («merces»).

При запугивании на имманентном уровне в 7 случаях речь идет об «аде» («infernum»):

Et Episcopus dixit: In infernum ibis, И Епископ сказал: В ад пойдешь, nisi dexteris peccata tua (Acta Sancto- если не расскажешь о своих грехах. rum februarii. II. P. 154).

Еще в 6 контрактах говорится о «наказании» («poena»).

Наблюдения и выводы, сделанные в ходе исследования, позволили нам выработать концепцию семиотики православного и католического житийного дискурса. Представим суть этой концепции. Ч. Моррис различает синтактику, семантику и прагматику как составные части семиотики (Моррис 2001: 45-97). Синтактика понимается как синтактические отношения знаков (Там же, с. 56); семантика отражает отношение знаков к их референтам, а прагматика отражает отношение знаков к их интерпретаторам (Там же, с. 71). Житийный дискурс представляет собой семиотическую систему и состоит из трех частей: синтактики, семантики и прагматики. Синтактика житийного дискурса реализуется в дискурсивной схеме жития, которая является репрезентацией основных нарративных и дискурсивных свойств семиотического объекта. Вслед за А.-Ж. Греймасом, мы не признаем присутствия референта в структуре знака, что соответствует сосюрровскому пониманию знака, поэтому семантика понимается нами как значения ценностных Объектов, фигурирующих в житийном дискурсе, которые представлены в виде именных и глагольных лексем. Прагматика отражает обмен высказываниями между субъектами дискурса и реализуется в манипуляции, то есть в воздействии человека на человека. В рамках прагматики манипуляция рассматривается как предложенный или навязанный контракт, который находит свое отражение в манипулятивных фигурах.

На Схеме 1 представлен такой компонент житийного дискурса, как общение. Его структура является общей для обоих дискурсов и состоит из трех элементов: дискурсивной схемы, аксиологии и манипуляции:

Схема 1. Семиотика житийного дискурса.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Житийный дискурс предполагает вербальное или имплицитное отражение двух контрактов — общественного и трансцендентного, — которые представлены манипулятивными фигурами и опираются на ценности, актуальные для религиозного сознания. Житийный дискурс определяется нами как вербальная метапрактика, описывающая вербальную и семиотическую практики. Он представляет собой вербальную метапрактику, развивающую тематическую роль «святой» в виде успешного нарративного пути Субъекта, являющегося образцовым для получателя сообщения.

Тематическая роль «святой» является моделью дискурсивной практики и имеет две дискурсивные программы: трансцендентную коммуникацию («Молитву») и педагогическую деятельность по отношению к имманентному Получателю – обществу («Воспитание»). «Подвижничество» и «Аскеза» служат вспомогательными дискурсивными программами по отношению к базовой дискурсивной программе «Молитва».

Семиотический анализ житий показал, что формирование компетенции святого происходит в ходе квалификационного испытания, за которым имеют место решающее и прославляющее испытания. В начале квалификационного испытания Субъект является «ищущим Субъектом», а в конце этого испытания он приобретает знание о себе, об Отправителе и об анти-Отправителе и становится «правовым Субъектом». Компетенция святого предполагает транзитивное знание (на уровне модальности *знать*) и на уровне модальности *мочь* он обеспечен поддержкой трансцендентного Отправителя.

Житиям присуща следующая дискурсивная схема:

Инициация → **Компетенция** [анти-Контракт → Интерпретация → Последствие] → **Контракт** → **Интерпретация** → **Трансформация** → **Санкция**.

Анти-Контракт является необходимым элементом повествования в житиях. Таким образом, основой компетенции святого является коммуникативная компетенция, которая формируется в полемической конфронтации с анти-Отправителем.

Предпринятый нами анализ православного дискурса XI – начала XV вв. свидетельствует о преобладании манипулятивной фигуры искушения. Манипулятивная фигура искушения реализуется в речевом акте и макроакте искушения, которые представлены в православном житийном

дискурсе XI – начала XV вв. условными конструкциями. Условные конструкции при искушении представлены сложноподчиненными предложениями условия, сложносочиненными предложениями и бессоюзными сложными предложениями, сверхфразовыми единствами и обобщенными конструкциями.

Манипулятивная фигура запугивания реализуется в речевом акте и макроакте предостережения/угрозы, которые представлены в православном житийном дискурсе XI – начала XV вв. условными конструкциями.

Обольщение в православном житийном дискурсе XI – начала XV вв. занимает третье место по частотности употребления. Оно представлено апеллятивами и реквестивными директивами.

Манипулятивная фигура провокации состоит из двух меронов, первый из которых представляет собой негативную оценку адресата, а второй — суждение адресанта о неспособности адресата выполнять какое-либо действие. Фигура реализуется полностью либо частично в виде бехабитива. Как правило, негативная оценка реализуется при помощи существительного или прилагательного с негативной семантикой, а суждение об отсутствии у адресата компетенции – в виде высказывания, содержащего глагол в будущем времени.

Манипулятивные фигуры предписания и запрета в православном житийном дискурсе XI – начала XV вв. используются очень редко. Они реализуются в прескриптивах и представлены безличными конструкциями с глаголом **подобаєт** и кратким прилагательным **лѣпо** в утвердительной и отрицательной форме в роли модализирующих предикатов долженствования.

Исследование католического житийного дискурса XIII в. позволяет также сделать вывод о преобладании в нем манипулятивной фигуры искушения. В латинском языке искушение реализуется в виде речевых актов и макроактов искушения и представлено условными конструкциями. Запугивание в католическом житийном дискурсе XIII в. реализуется в речевых актах предостережения/угрозы и также представлено условными конструкциями. Манипулятивная фигура обольщения занимает третье место по частотности употребления. Она представлена в католическом житийном дискурсе XIII в. апеллятивами и реквестивными директивами. Манипулятивная фигура провокации в католическом житийном дискурсе XIII в. употребляется реже, чем обольщение. Языковых реализаций мани-

пулятивных фигур предписания и запрета в католическом житийном дискурсе XIII в. не обнаружено.

Сопоставление православного житийного дискурса XI – начала XV вв. с католическим житийным дискурсом XIII в. показывает, что в обоих дискурсах искушение и запугивание являются самыми распространенными, они представлены условными конструкциями. Другие манипулятивные фигуры имеют сходную частотность реализации. При этом в католическом житийном дискурсе манипуляция в виде прямой речи используется реже (246 речевых актов в католическом дискурсе и 325 в православном дискурсе), что может быть объяснено более частым использованием косвенной речи. Доминирование в обоих дискурсах манипулятивной фигуры искушения свидетельствует о том, что оба дискурса опираются на модальность *мочь*.

Изучение средств выражения манипуляции в обоих дискурсах XV–XVII вв. показало, что архетипические манипулятивные фигуры имеют одни и те же дискурсивные средства выражения. Но в православном житийном дискурсе преобладает манипулятивная фигура искушения. Это говорит о доминировании в данном дискурсе модальности *мочь*, поскольку при искушении адресант опирается на эту модальность. Адресат при этом занимает позицию *хотеть сделать*, т. е. вступить в конъюнкцию с положительным ценностным объектом. Преобладание манипулятивной фигуры обольщения в католическом житийном дискурсе свидетельствует о том, что в нем доминирует модальность *знать*. Адресат при этом занимает позицию *хотеть сделать*, т. е. вступить в конъюнкцию с честью.

Манипулятивные фигуры искушения и запугивания реализуются в обоих дискурсах в речевых актах и макроактах искушения и предостережения/угрозы, которые представлены исключительно условными конструкциями. Манипулятивная фигура предписания реализуется в прескриптиве и представлена в основном при помощи безличных глаголов **подобаёт** и **оротет**, выступающих в роли предикатов долженствования.

Мы рассматриваем интердискурсивную авторизованную манипуляцию как признак традиционализма конституирующего дискурса. В отличие от православного житийного дискурса, этот признак не свойственен католическому житийному дискурсу. На этом основании мы делаем вывод о том, что в католическом житийном дискурсе реализуется транзакциональная функция языка, а православному житийному дискурсу присуща интеракциональная функция.

Преобладание в православном житийном дискурсе манипулятивных фигур, количество которых в 4 раза превышает количество таковых в католическом житийном дискурсе, обусловлено тем, что в католическом дискурсе используется преимущественно косвенная речь, а не прямая. Это указывает на то, что в православном дискурсе преобладает репрезентативная коммуникативная стратегия, а в католическом — нарративная. Кроме того, этот факт говорит о том, что православный дискурс опирается на эпистемическую модальность «верить», напрямую связанную с манипуляцией, а католический дискурс — на эпистемическую модальность «знать». Обилие манипулятивных фигур, представленных в православном дискурсе в виде прямой речи, свидетельствует также о том, что этот дискурс обладает манипулятивным воздействием из-за использования шифтеров, создающих подобие акта высказывания, тогда как католический дискурс только информирует. Оба изученных дискурса отличает явная гетерогенность высказывания в ее маркированной форме.

Исследование ценностей и антиценностей, используемых при манипуляции в православном житийном дискурсе XI – начала XV вв. показало, что при искушении трансцендентный Отправитель прибегает, как правило, к использованию модальных и описательных ценностей. Для Субъекта (христиан) важны описательные ценности. Анти-Отправитель и анти-Субъекты используют при искушении описательные ценности.

Сопоставительный анализ ценностей в обоих дискурсах до середины XV в. свидетельствует о несходстве ценностей. В католическом дискурсе при искушении трансцендентный Отправитель предлагает описательную ценность «исцеление», тогда как в православном дискурсе речь идет только о модальных ценностях. Более того, при запугивании для православного дискурса на уровне имманентного Отправителя (христиан) характерна такая описательная антиценность, как «наказание», тогда как в католическом дискурсе речь идет о «смерти».

С середины XV в. в исследованных дискурсах также проявляются существенные различия. В православном житийном дискурсе середины XV-XVII вв. на уровне трансцендентной и имманентной коммуникации фигурируют модальные базовые ценности. В католическом житийном дискурсе на трансцендентном уровне фигурируют как модальные, так и описательные базовые ценности, а на имманентном уровне — описательные ценности. Таким образом, в православном и католическом житийном

дискурсе доминируют описательные и модальные ценности, но в первом дискурсе модальные ценности (статус учителя, помощь) значительно преобладают.

Показательно, что в XI – начале XV вв. на имманентном уровне основной базовой ценностью на Руси была «помощь Божия» (модальная ценность), в середине XV-XVII вв. она также выступает как основная ценность, вслед за «воздаянием». В католическом житийном дискурсе наблюдается устойчивая тенденция: с XIII в. по XVII в. «исцеление» (описательная ценность) выступает как доминирующая базовая ценность на имманентном уровне.

Значительное число контрактов со стороны трансцендентного Отправителя (искушений) в православном дискурсе свидетельствует о том, что такой этап повествования, как «Контракт» является относительно регулярным эксплицитным элементом дискурсивной схемы православного жития. В католическом дискурсе этот элемент дискурсивной схемы факультативен и имплицитен. Следовательно, Субъект в православном религиозном дискурсе выступает как эксплицитно как гетерономный, имеющий трансцендентного Отправителя, а Субъект в католическом религиозном дискурсе — как автономный, т. е. не имеющий трансцендентного Отправителя.

Житийный дискурс рассматривается нами как семиотическая система, которая имеет свою синтактику, отраженную в дискурсивной схеме; его семантика находит свое выражение в аксиологии, а прагматика представлена манипуляцией.

Основные положения и сделанные выводы являются ключевыми для исследовательских проектов, имеющих целью описать дискурсы других религиозных конфессий, что, в свою очередь, дает возможность изучить их формирование в целом. Для этих целей перспективным представляется выявление имплицитных значений дискурсивных схем. Данная работа открывает перспективы для изучения религиозного дискурса любого этноса в синхронном и диахронном аспектах, а также в сопоставлении с религиозными дискурсами других этносов.

**Содержание диссертации отражено
в следующих публикациях:**

Монографии:

1. Аверьянова Е. В. Средства выражения семиотической фигуры манипуляции в религиозном дискурсе: монография [Текст] / Е. В. Аверьянова. – Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2010. – 172 с. – 10,75 п.л.
2. Аверьянова Е. В. Семиолингвистические аспекты религиозного дискурса: монография [Текст] / Е. В. Аверьянова. – Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2012. – 196 с. – 12,25 п.л.

Статьи, напечатанные в ведущих рецензируемых журналах и изданиях, рекомендованных ВАК РФ для публикации результатов докторских исследований:

3. Аверьянова Е. В. Концепты, выражающие манипулятивные ценности и антиценности в религиозном дискурсе XIII века [Текст] / Е. В. Аверьянова // Вестник Тюменского государственного университета. – 2008. – № 1. – С. 90-96.
4. Аверьянова Е. В. Архетипическая структура искушения и запугивания в древнерусском языке [Текст] / Е. В. Аверьянова // Вестник Тюменского государственного университета. – 2009. – № 1. – С. 165-170.
5. Аверьянова Е. В. Манипулятивные ценности в церковнославянском и латинском религиозном дискурсе [Текст] / Е. В. Аверьянова // Вестник Тюменского государственного университета. – 2010. – № 1. – С. 147-154.
6. Аверьянова Е. В. Авторизованная интердискурсивная манипуляция в латинском и церковнославянском религиозных дискурсах [Текст] / Е. В. Аверьянова // Вестник Тюменского государственного университета. – 2011. – № 1. – С. 139-142.
7. Аверьянова Е. В. Фигура провокации в религиозном дискурсе [Текст] / Е. В. Аверьянова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – Вып. 60. – № 33 (248). – С. 17-19.
8. Аверьянова Е. В. Предписание и запрет как манипулятивные категории [Текст] / Е. В. Аверьянова // Вестник Тюменского государственного университета. – 2012. – № 1. – С. 60-63.
9. Аверьянова Е. В. Манипулятивная фигура обольщения в религиозном дискурсе [Текст] / Е. В. Аверьянова // Вестник Челябинского государ-

ственного университета. – Филология. Искусствоведение. – Вып. 66. № 17 (271). – 2012. – С. 13-17.

10. Аверьянова Е. В. Дискурсивная схема жития XV-XVII веков [Текст] / Е. В. Аверьянова // Вестник Тюменского государственного университета. – 2013. – № 1. – С. 46-52.

11. Аверьянова Е. В. Испытание в православном житийном дискурсе середины XV-XVII вв. [Текст] / Е. В. Аверьянова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 3 (33). – Ч. 2. – С. 13-15.

12. Аверьянова Е. В. Манипуляция в прямой и косвенной речи [Текст] / Е. В. Аверьянова // Вестник Тюменского государственного университета. – 2014. – № 1. – С. 38-42.

13. Аверьянова Е. В. Предостережение/угроза в православном житийном дискурсе середины XV-XVII вв. [Текст] / Е. В. Аверьянова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 5 (35). – Ч. 1. С. 16-18.

14. Аверьянова Е. В. Аксиология православного житийного дискурса середины XV-XVII в. [Текст] / Е. В. Аверьянова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 5 (36). – Ч. 2. – С. 13-15.

15. Аверьянова Е. В. Семиотика православного житийного дискурса [Текст] / Е. В. Аверьянова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 8 (38). – Ч. 1. – С. 13-15.

16. Аверьянова Е. В. Испытание в православном и католическом житийном дискурсе середины XV – XVII вв. [Текст] / Е. В. Аверьянова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2014. – № 10 (339). – Филология. Искусствоведение. – Вып. 90. – С. 5-8.

17. Аверьянова Е. В. Предостережение/угроза в православном и католическом житийном дискурсе середины XV-XVII вв. [Текст] / Е. В. Аверьянова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2014. – № 16 (345). – Филология. Искусствоведение. – Вып. 91. – С. 5-9.

Статьи и материалы конференций:

18. Аверьянова Е. В. Семиотическое прочтение жития Никиты Затворника [Текст] / Е. В. Аверьянова // Филологические науки (НДВШ). 1999. № 6. С. 73-78.

19. Аверьянова Е. В. (Averianova E.) Le devenir d'un saint [Текст] / E. Averianova // Applied Semiotics // Sémiotique appliquée [Электронный ре-

курс]. 2000. N 9. – P. 494-502. – Режим доступа: <http://www.epas.utoronto.ca:8080/french/as-sa/index.html>.

20. Аверьянова Е. В. Манипуляция в религиозном дискурсе 13 века [Текст] / Е. В. Аверьянова // VI Степановские чтения. Язык и культура. На материале Романо-германских и восточных языков: Материалы докладов и сообщений Международной конференции. – М.: РУДН, 2007. – С. 67-68.

21. Аверьянова Е. В. Иерархия концептов, выражающих манипулятивные ценности в религиозном дискурсе XIII века [Текст] / Е. В. Аверьянова // Одиннадцатые Ефремовские чтения: Концепции современного мировоззрения: Материалы 11-й международной конференции «Ефремовские чтения» (19 апреля 2008 г.). – СПб.: ЛЕМА, 2008. – С. 188.-191.

22. Аверьянова Е. В. Манипуляция в религиозном дискурсе XIII века / Е. В. Аверьянова [Текст] // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: Сб. ст. участников IV междунар. науч. конф., 25-26 апр. 2008 г. Т.1. – Челябинск: ООО «Издательство РЕКПОЛ», 2008. – С. 281-284.

23. Аверьянова Е. В. Базовые и вспомогательные ценности и антиценности при искушении и запугивании [Текст] / Е. В. Аверьянова // Провинция – регион – муниципальное образование (город): поисковой стратегии развития: Дни науки УрГИ. Материалы Российских научно-практических конференций (12-14 мая 2008 г.). – Екатеринбург: Уральский гуманитарный институт, 2008. – С. 221-224.

24. Аверьянова Е. В. Архетипическая структура искушения и запугивания [Текст] / Е. В. Аверьянова // Материалы за 4-а международна научна практична конференция «Динамика исследования». Т. 14. Филологични науки. София: «Бял ГРАД-БГ» ООД, 2008. – С. 68-71.

25. Аверьянова Е. В. Структура манипуляции в Киево-Печерском патерике [Текст] / Е. В. Аверьянова // Язык. Коммуникация. Культура: Сб. научн. тр. факультета романо-германской филологии. – № 1. – Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2008. – С. 93-101.

26. Аверьянова Е. В. Средства выражения архетипической манипулятивной фигуры искушения в латинском языке [Текст] / Е. В. Аверьянова // Естественный и виртуальный дискурс: когнитивный, категориальный и семиолингвистический аспекты: Мат-лы междунар. научн. конф. 16-17 октября 2009. – Тюмень: Изд-во «Вектор Бук», 2009. – С. 5-10.

27. Аверьянова Е. В. Манипулятивная фигура запугивания в латинском языке [Текст] / Е. В. Аверьянова // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: Сб. ст. участников V междунар. науч. конф., 26-27 апр. 2010 г. Т. 1. – Челябинск: ООО «Энциклопедия», 2010. – С.174-176.

28. Аверьянова Е. В. Информация и коммуникация в церковнославянском и латинском религиозном дискурсе [Текст] / Е. В. Аверьянова // Aktualne problemy nowoczesnych nauk – 2010. Materiały VI Międzynarodowej naukowi-praktycznej konferencji. 07-15 czerwca 2010 roku. – Vol. 23. – Filologiczne nauki. – Przemysł: Nauka i studia, 2010. – S. 28-30.

29. Аверьянова Е. В. Манипулятивные фигуры искушения и запугивания (на материале латинского языка) [Текст] / Е. В. Аверьянова // Проблемы межкультурной коммуникации в теории языка и лингводидактике. Материалы IV международной научно-практической конференции. – Ч. I. – Барнаул: АлтГПА, 2010. – С. 6-9.

30. Аверьянова Е. В. Ортодоксальность и интеракциональность в латинском и церковнославянском религиозном дискурсе XI-XVI вв. [Текст] / Е. В. Аверьянова // Русский язык как фактор стабильности государства и нравственного здоровья нации: труды и материалы второй Всероссийской научно-практической конференции. 30 сентября – 2 октября 2010 г.: В 2-х частях. – Тюмень: Мандр и К, 2010. – Ч. 1. – С. 87-91.

31. Аверьянова Е. В. Интердискурсивная манипуляция в латинском и церковнославянском религиозном дискурсе XI-XVI в. [Текст] / Е. В. Аверьянова // Экология языка на перекрестке наук: Материалы международной конференции 11-13 ноября 2010 г. – Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2010. – С. 106-108.

32. Аверьянова Е. В. Ценности и манипуляция в церковнославянском и латинском религиозном дискурсе [Текст] / Е. В. Аверьянова // Ценностный мир человека: сб. научн. тр. под общ. ред. д-ра филос. наук В.А. Апрельской. – Тюмень: ТюмГАСУ, 2010. – С.23-35.

33. Аверьянова Е. В. Интердискурсивная манипуляция в латинском и церковнославянском религиозном дискурсе XI-XVI вв. [Текст] / Е. В. Аверьянова // Экология языка на перекрестке наук: Материалы международной конференции: в 2 ч. – Ч. 1. – Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2011. – С. 119-122.

34. Аверьянова Е. В. Архетипическая фигура искушения в латинском и церковнославянском религиозном дискурсе [Текст] / Е. В. Аверьянова // Когнитивная лингвистика и вопросы языкового сознания: Мат-лы Междунар. научно-практической конференции. 25-26 ноября 2010 г. Краснодар: Кубанский госуниверситет, 2011. – С. 182-183.

35. Аверьянова Е. В. Обобщающая авторизованная манипуляция в латинском и церковнославянском религиозном дискурсе [Текст] / Е. В. Аверьянова // Проблемы лингвистики и лингвистического образования: Сб. науч. ст. – Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2011. – С. 5-14.

36. Аверьянова Е. В. Провокация в церковнославянском религиозном дискурсе [Текст] / Е. В. Аверьянова // Коммуникативные аспекты современной лингвистики и лингводидактики: материалы Междунар. науч. конф., г. Волгоград, 8 февр. 2012 г. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2012. – С. 144-147.

37. Аверьянова Е. В. Статус церковнославянского и латинского языков в XV-XVII вв. [Текст] / Е. В. Аверьянова // Плюрилингвизм и мультилингвизм: проблемы и стратегии развития: материалы международного научного семинара / под ред. Н. Н. Белозеровой. – Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2012. – С. 95-100.

38. Аверьянова Е. В. Предписание и запрет как манипулятивные категории в религиозном дискурсе [Текст] / Е. В. Аверьянова // Экология языка на перекрестке наук: материалы 2-ой международной научной конференции: в 2 ч. Ч. 2. – Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2012. – С. 7-11.

39. Аверьянова Е. В. Архетипическая фигура искушения в церковнославянском религиозном дискурсе XVI-XVII вв. [Текст] / Е. В. Аверьянова // Функционально-когнитивный анализ языковых единиц и его аппликативный потенциал: материалы I международной конференции, 5-7 октября 2011 г. – Барнаул: АлтГПА, 2012. – С. 13-15.

Подписано в печать 12.11.2014. Тираж 120 экз.
Объем 2,0 уч. изд. л. Формат 60x84/16. Заказ 719.

Издательство Тюменского государственного университета
625003, г. Тюмень, ул. Семакова, 10
Тел./факс (3452) 46-27-32
E-mail: izdatelstvo@utmn.ru